Ведомая огнем

Автор:
Ольга Гусейнова

Ведомая огнем

Ольга Вадимовна Гусейнова

Я не задумывалась о том, что наш мир не единственный во Вселенной, до тех пор, пока в мою жизнь не ворвались они…

Чужаки. Как страшная сказка, как кошмар. Они поработили планету, захватили в плен людей, перечеркнули судьбы миллионов. И теперь я нахожусь в другой Вселенной, и мое будущее зависит от исхода большой войны.

Я окунулась в новый мир: воинов-драконов, сражений и постоянного смертельного риска. Но поддерживает меня в этой сумасшедшей круговерти – любовь. Любовь, за которую стоит бороться! Любовь, которая одна дает силы жить…

Ольга Гусейнова

Ведомая огнем

© Гусейнова О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

– Трави, трави потихоньку! – скомандовал мне снизу инструктор Вадим.

– Не могу! Я боюсь! – глухо промычала я, глотая слезы и как клещами вцепившись пальцами в обе веревки.

– Дура! На хрена ты вообще туда полезла, если высоты боишься? – вконец разозлился парень.

Ну да, каюсь – дура! И действительно, зачем я сюда полезла? Точнее, как решилась на это?

Прилипнув к серой стене скалодрома, я боялась лишний раз вдохнуть, чтобы не упасть. Даже если бы и решилась расслабить пальцы, чтобы отпустить страховочный трос, все равно уже не в состоянии – мышцы от страха свело судорогой.

А ведь еще час назад, когда мы с Нелькой заявились в центр экстремальных видов спорта, чтобы попробовать себя в скалолазании, ничего не предвещало этого ужаса.

Высоты я боюсь, конечно, но искренне полагала, что высота – это когда метров сто над землей, а не детские шесть. Оказалось, ошибалась!

Познакомившись с инструктором Вадиком – смешливым, атлетического вида парнем лет двадцати пяти, – решила, что он вполне приятный и, возможно, стоит ответить на его явный ко мне интерес. В этом случае я тоже ошибалась – парень терпением и мягкостью не отличался. Стоило ему понять, что у меня начались большие проблемы на высоте, игривый воркующий тон сменился на раздражительный, а спустя полчаса – на вопли и оскорбления. А еще инструктор для новичков, называется!

– Посмотри на меня! – услышала я хриплый мужской голос.

Скосив глаза, увидела, как рядом со мной завис на веревке приятной наружности брюнет.

– Смотри только на меня и слушай только мой голос! – Он протянул руку и начал поглаживать меня по судорожно сжимающим веревку пальцам, буквально гипнотизируя своими зелеными глазами.

– Высота – ничто, потому что ты можешь управлять ею. Твое тело приспособлено покорять любые вершины, надо просто научиться чувствовать его, ощущать пространство вокруг и использовать для покорения высоты и вообще для всего, чего захочешь. Человек – вершина эволюции, физическое совершенство, просто люди забывают об этом. Понимаешь меня?

Голос брюнета завораживал, играя тональностью и тембром, заставлял вслушиваться в слова и верить. Затем – послушно разжать пальцы, начав, пусть медленно и неловко, но перебирать ими, пропуская страховочный трос. Так, глядя друг другу в глаза, незаметно для меня, оба оказались внизу.

– Сергей Петрович, как вам удалось эту полоумную уговорить…

Закончить подскочившему к нам Вадиму брюнет не дал. Безразлично посмотрел на парня и коротко сказал:

– Ты уволен!

– Но я же не виноват, что… – попытался оправдаться ошеломленный инструктор.

– Ты нам не подходишь, – таким же ровным тоном пояснил Сергей Петрович, а потом повернулся ко мне лицом и спиной к расстроенному парню.

Сочувствующе посмотрев на мою расстроенную заплаканную мордашку, тихо посоветовал:

– Не принимай близко к сердцу! Я хотел сегодня ему сообщить об этом, правда, при других обстоятельствах. Он не создан быть учителем, хотя спортсмен отличный.

– Спасибо за то, что вернули меня на землю, – вытерев слезы рукавом спортивной кофты, сконфуженно улыбнувшись, поблагодарила я.

– Не за что, но помни, что я сказал! Научись чувствовать пространство вокруг себя, и никакая высота тебя больше не испугает. Ты всегда сможешь удачно приземлиться. – Видимо, заметив скепсис в моих глазах, он весело улыбнулся и добавил: – Просто поверь мне! Я видел, как ты по наитию находила выступы и вверх буквально взлетела птичкой, а вот стоило тебе посмотреть вниз – испугалась. Причем несуществующего, самой собой выдуманного страха! Знаешь, человеком-пауком стать вполне реально, надо лишь ощущать свое тело и пространство вокруг себя. Чтобы не упасть, всегда можно найти, за что зацепиться, спружинить, оттолкнуться. Ведь таким образом ты сокращаешь высоту падения. Мой учитель рассказывал, как однажды падал с высоты ста метров. Камнем летел вдоль отвесной скалы, а буквально в паре метров от земли сумел оттолкнуться от стены ногами и приземлился живым и невредимым.

Я слушала, открыв рот, и не могла даже представить подобную ситуацию, но этому мужчине почему-то легко верилось.

Подбежала довольная раскрасневшаяся Неля и возбужденно начала рассказывать, как проходило ее восхождение, сверкая при этом глазками в сторону Сергея Петровича. В итоге пришлось попрощаться с ним и удалиться.

– Марьянка, ну что ты молчишь? Тебе не понравилось? – толкнула меня кулачком в бок подруга.

Пришлось рассказывать, как проходило мое восхождение.

– Да-а-а, а с виду этот Вадик казался нормальным! Я видела, он тебе понравился, – заметила Неля, хитро посмотрев на меня.

– Экстерьер ничего, а вот внутреннее содержание подкачало, – хмыкнула я, а затем не смогла удержаться и с обидой ворчливо добавила: – Да и молодой он слишком, видно же, что не нагулялся. И интеллектом Бог обидел.

– Тебе двадцать пять всего, Марьяна! Ты что, в нем отца своих детей пыталась разглядеть? – насмешливо спросила подруга.

– Да надоело все! И временные отношения, и мужчины, которые сами не понимают, чего хотят от жизни. Устала, наверное, морально. Хочется сильного мужского плеча, которое от забот закроет и в которое поплакаться можно, – уже

совсем невесело поделилась я с Нелей.

– Боюсь, подруга, смоет это твое сильное плечо! Ты слезливые краники открываешь по любому поводу, иногда у тебя даже вентили срывает, – продолжила ехидничать Нелька.

– Спасибо, успокоила! – с наигранной обидой ответила я.

Мы вышли из спорткомплекса и направились вниз по оживленной многолюдной улице к парковке для машин. Мой синий «Аккорд» привычно довольно заурчал, трогаясь с места, а Неля, никогда не умевшая долго молчать, предложила:

– Мамка завтра в санаторий собралась. Может, ее отвезем, да и сами на выходных отдохнем? Там все цивильно, и народ приличный отдыхает – не какой-нибудь дом престарелых.

– Почему нет, давай. Да и я твоей маме как земля колхозу должна. Благодаря ее протекции теперь на хлебном месте сижу, зарплату приличную получаю, так что…

Я оборвала себя на полуслове. Остановившись на красный свет, пока говорила, разглядывала белые пушистые облака и неожиданно заметила странные вспышки. А еще почему-то эти самые облака окрасились в неестественно-розовый свет. А ведь до заката еще несколько часов.

Мое удивление не осталось незамеченным, подруга тоже уставилась в небо и через мгновение ошеломленно выдала:

– А чего это они розовые? – потом, стоило блеснуть еще паре странных вспышек в небесах, помолчала и неуверенно добавила: – Может, спутник какой? Или военные что-нибудь испытывают?

– Точно. Наши нервы. Хотя все может быть, – задумчиво ответила я.

Позади нас загудел кто-то нетерпеливый, красный свет сменился на зеленый, и я плавно тронула машину с места. Загадки природы оставим ученым.

Договорившись с подругой на завтрашнее утро о поездке в санаторий, поехала домой. Надо вещи собрать необходимые и маме позвонить, предупредить, что пропаду из дома ненадолго. Но, думаю, теперь ей не до меня.

Двадцать пять лет она изводила чрезмерной опекой и заботой меня, а в последний год обратила все свое неуемное внимание на нового мужа и двух его детей-подростков. Пару лет назад из Латвии на двадцатипятилетие со дня окончания ими школы прилетала мамина одноклассница Римма, и старая дружба вспыхнула с новой силой. А вскоре по ее приглашению мама слетала в Ригу в отпуск и по случаю была представлена брату Риммы, Эрику.

Вдовец с двумя детьми весьма заинтересовался моей еще очень даже неплохо и моложаво выглядевшей мамулечкой и быстро завоевал ее любовь. Мой отец умер от рака, так же, как супруга Эрика, и оба не понаслышке знали, как больно терять любимых людей. Думаю, это тоже сыграло большую роль в их стремительном сближении и большом доверии друг к другу.

Так что мамино замужество позволило вздохнуть свободно – ей есть о ком заботиться помимо меня. А мне был дарован покой: бесконечные родительские звонки стали чуть реже – раз в неделю, а не каждый час, как раньше, – и короче. Хотя в душе меня невольно терзала ревность. Я не привыкла делить мамино внимание с кем-то еще и теперь чувствовала себя немного забытой и одинокой. Но главное – ей хорошо, она счастлива. Для меня это важнее.

Собрав чемодан, в очередной раз попыталась дозвониться до мамы. Но изображение сети на дисплее телефона прыгало то вверх, то вниз, и звонок постоянно прерывался.

И по телевизору шли помехи. Странно.

Хотя вчера в новостях предупреждали, что ожидается магнитная буря – очередные вспышки на солнце. Вероятнее всего – это ее последствия. Моя настойчивость увенчалась успехом, и я наконец дозвонилась до мамы. Поболтав с ней минут пять, убедив, что со мной все в порядке и я сильно-сильно люблю ее, завалилась спать.

Глава 2

Мой «Аккорд» методично преодолевал километры дорожного полотна. Встречных машин попадалось немного, что позволяло мне изредка глазеть по сторонам.

– Смотри, вон еще колонна идет, – прокомментировала Неля, увидев проезжающую мимо нас по встречной вереницу военной техники.

– И чего они разъездились сегодня? То туда, то обратно, может, учения какие? – проворчала сидевшая на заднем сиденье Нина Григорьевна.

Ее «доча» в этот момент наклонилась и пыталась в очередной раз найти радиоволну, чтобы послушать музыку, но салон автомобиля вновь наполнился смешивающимися голосами дикторов с разных каналов и характерным шорохом помех.

– Ерунда какая-то, – хмуро процедила подруга.

Я же в боковом зеркале заметила обгоняющий нас черный джип с мигалкой. Странная, не поддающаяся логике тревога начала расползаться в груди.

Джип ушел дальше, а мы, притормозив, свернули на второстепенную дорогу, ведущую к нашей цели – большому поселку, где располагался санаторий «Зеленые дубки».

А еще через пару часов, уже разместившись в номере, я без толку щелкала кнопками телевизионного пульта, безуспешно переключая каналы. Везде красовалась полосатое окно и надпись «Профилактика». Весьма загадочно!

– Прикинь, вай-фая тоже нет! – ворвалась в номер Неля. – Я маме помогла вещи разобрать, она вниз спустилась, хочет осмотреться. Ты пойдешь?

На вопрос подруги рассеянно кивнула, а потом, подойдя к окну, задумчиво осмотрела местность.

Санаторий был построен в небольшой долине, славящейся на всю страну уникальными минеральными источниками и грязями. А вокруг высились довольно крутые горные склоны, поросшие густой растительностью и кривыми деревцами. На территории расположились три девятиэтажных корпуса и небольшой зеленый парк. Сразу за невысоким кованым забором виднеются корпуса других санаториев или зон отдыха. Мне с высоты восьмого этажа было прекрасно видно, как внизу прогуливаются или спешат по делам люди, по дороге медленно двигаются машины, в небе носятся птицы, и всю эту красоту и благодать щедро освещает солнце.

Только вот розовые облака второй день вызывают недоумение, а соответственно – необъяснимую настороженность. Я вообще отношусь к категории людей, которые ко всему непривычному или непонятному относятся с предубеждением и опаской.

– Марьян, так ты идешь или нет? – ворчливо переспросила подруга.

Я уже хотела отвернуться от окна, согласно кивая головой, но в этот момент заметила одну странность. Птицы!

Они все как одна неожиданно резко вспорхнули вверх – и те, что летали, и те, что сидели на ветках или крышах домов. Я даже не думала, что их, оказывается, вокруг так много. А потом, словно в фильме Хичкока, птицы начали кричать и беспорядочно носиться, сталкиваясь друг с другом или наталкиваясь на различные препятствия.

Неля подошла ко мне, положила руку на плечо и почему-то шепотом спросила:

– Что это с ними?

Один голубь со всего маху врезался в наше окно, заставив испуганно отшатнуться, а потом отлепился и камнем спикировал вниз.

А я наконец отмерла. Схватила подругу за руку, подхватила с кроватей свою и ее сумочки и кинулась к выходу со словами:

– Я видела по телику – так птицы ведут себя во время землетрясений.

Теперь подгонять подругу не было нужды. По лестнице мы спускались, громко стуча каблуками, а я чертыхалась на себя, что не переобулась. В холле мы встретили Нину Григорьевну и других встревоженных постояльцев. Многие, заметив, как мы скоренько покидаем здание, не раздумывая, поспешили за нами.

Каждый, выходя, устремлял взгляд в небо, где как обезумевшие летали птицы. Асфальт уже был усеян их мертвыми тушками. А еще я ощутила, что меня начинает подташнивать, а в ушах стоит странный звук, будто мне ультразвуком зубы чистят. Такой мерзкий, заставляющий кривиться и морщиться.

Неподалеку свалился пожилой мужчина. Осел как подкошенный. К нему кинулась немолодая женщина, скорее всего супруга.

– Врача! Позовите врача, у него сердце… у него стимулятор в сердце, а сейчас оно не бьется! – закричала она.

Но ее крики уже никто не слушал, потому что дальше начался настоящий ад. Само небо разверзлось над нами.

– Что это? – испуганно пискнула Неля, прижимаясь к моему плечу.

– Что за хрень такая? – пробасил полуобнаженный мужик со спиной, разрисованной куполами и крестами, застывший впереди нас.

Сквозь пушистые розовые облака, которые вдруг начали багроветь, стали проступать очертания чего-то большого и невероятного, постепенно нависающего, закрывающего от нас солнце и погружающего землю в сумерки.

Долина, окруженная горами, похожа на своеобразную кастрюлю, и сейчас огромное странное нечто опускалось сверху подобно крышке. Так велики его размеры. В голове мелькнула жуткая мысль: «Как бы нам всем крышка не настала!»

– Пришельцы! – истерично завопили позади нас.

Многие вздрогнули от резкого пронзительного вопля впечатлительной женщины. Хотя мне тоже захотелось выдохнуть прозвучавшее слово. Ведь по-другому назвать то, что мы видели, язык не поворачивался.

А еще меня начали одолевать смутные ощущения, словно я смотрю очередной голливудский блокбастер про инопланетян. Только фильм мне сильно не нравится, потому что я в нем тоже участвую.

Невиданный корабль, зависший над долиной, поражал своими размерами, а еще – внешним видом. Уж на летающую тарелку он точно не походил. Скорее на этакого паука-сенокосца с длинными загнутыми ногами. Одна из этих огромных ходуль зависла как раз над нами.

– Э-эх, а мы неподготовленные! Без транспарантов и каравая! Как встречать-то будем гостей нежданных? – как-то нервно хохотнули сбоку от меня, но я даже не обернулась посмотреть на шутника.

Пожилая женщина все еще надрывно плакала возле мужа и звала врача, но зрелище в небе настолько всех захватило, что никто не дернулся с места: как под гипнозом, задрав головы, наблюдали мы за развитием событий.

В основании ноги корабля не спеша раздвинулись створки, и оттуда стали вылетать… наверное, пауки. По-другому эти летательные аппараты не назвать.

Конусообразный корпус со странно выпирающим, почему-то полосатым «брюхом», а по бокам восемь «ног», которые во время полета вытянулись в струнку. Зато стоило очередному «паучку» зависнуть чуть в стороне от нас, видимо, над территорией соседнего санатория, они выпрямились, а потом немного поджались, придавая аппарату еще большее сходство с насекомым.

После того как паучок, подобно коршуну за добычей, стремительно ринулся вниз, мы услышали крики людей, но, заторможенные и все еще не верящие в происходящее, стояли статуями, разглядывая небо и пришельцев.

А «ноги» диковинного корабля выпускали все больше паучков, и те стремительно разлетались по долине.

– Мать моя женщина! – прохрипел татуированный мужчина, стоило одному из корабликов зависнуть над нашим двором.

Мы уже все дернулись, чтобы подобно тараканам разбежаться и забиться в щели, но в этот момент заметили, что в корабль ударила струя пены, явно из брандспойта. Все как один еще выше задрали головы, не обращая внимания на хлопья пены, падающие на нас. И узрели, что кто-то с крыши нашего корпуса поливает пришельцев. И те не замедлили с ответом. Зеленый яркий луч коротким импульсом ударил по крыше, и через мгновение нам на головы полетела уже не пена, а куски бетона, арматуры и стекла.

– Бежим! – крикнула Нина Григорьевна, хватая нас обеих под руки, и потащила за собой.

Вскоре все слилось в один сплошной кошмар: падающие с неба камни, крики раненых и испуганных людей, странный неслышный звук, исходящий от кораблей пришельцев, мешающий разумно мыслить и действовать.

Задыхаясь, мы втроем выскочили на дорогу и тут же чуть не попали под колеса машин, спешащих увезти своих хозяев из этого ада. Затем остолбенели, когда заметили спешащую навстречу потоку гражданских машин группу внушительной военной техники. Неля высказала то, что пришло в голову и мне:

– Боже мой, они знали! Они все знали, но никого не предупредили! Не эвакуировали.

Я попыталась возразить:

– Вряд ли они знали о таком варианте развития событий. Могли лишь предполагать…

– Да к черту их! Они все равно знали и могли бы перестраховаться! – зло выкрикнула Неля, глотая слезы.

– Доча, сама подумай – они же не знали, где это случится. Откуда ты знаешь, может, такое сейчас везде происходит, и эвакуироваться некуда, – задыхаясь от быстрого бега и волнения, прохрипела Нина Григорьевна.

Споры и домыслы прервали залпы огня с нашей стороны. Мы разом оглохли, когда боевые установки выпустили ракеты по головному кораблю нападающих и тому, что завис над нашим санаторием, и через несколько мгновений втроем дружно завизжали от счастья, когда подбитый паучок рухнул вниз. Правда, затем мы заорали от ужаса, потому что успешно выстрелившую установку тут же накрыло ответной горячей волной…

В какой-то момент я почувствовала, что потеряла туфли, но от волны асфальта, поднимающейся за нами, мы улепетывали как зайцы, прикрываясь руками от летящих в нас камней и комьев земли.

Нина Григорьевна дернула Нельку в сторону от неожиданно образовавшейся в дороге воронки, а я успела перепрыгнуть. Но теперь не знала, как снова перебраться к друзьям.

Задыхаясь, обернулась, поискала их взглядом и забыла, как дышать. Еще один паучок нырнул к земле, две его передние конечности захватили моих спутниц и забросили в полосатое брюхо летательного аппарата. Зато теперь я поняла, что полоски – это решетки, и сквозь них разглядела Нельку с матерью и что они там не одни.

Мой крик ужаса заглушил новый выстрел со стороны наших военных, которые, перегруппировавшись, пытались наладить оборону и одновременно отстреливались от кораблей противника. И сейчас палили по паучку, захватившему моих девочек. Прямое попадание сильных повреждений ему не принесло, но зато заставило приземлиться. Леталка-паучок, неожиданно ловко двигаясь на ходулях, начала перемещаться в сторону здания санатория. На свой же мысленный вопрос: «Почему не взлетает?», подумала, что, возможно, повредили двигатели. Иначе зачем ему как настоящему пауку забираться по стене одного из девятиэтажных корпусов санатория?

Я в ужасе смотрела, как мелькают сквозь прутья в брюхе пришельца бледные от ужаса лица людей, а потом – как буквально в нескольких метрах под ним разлетается стена от попавшего снаряда.

– Нет! Не надо, там же свои! – заорала я, бросившись к нашим военным, размахивая руками.

Следующий выстрел оказался точным, и иномирный паучок, перевернувшись пару раз, рухнул вниз, прямо на брюхо, с высоты девятиэтажного дома. Не думая, я рванула туда – вдруг Неля с Ниной Григорьевной живы. Но кораблик вспыхнул ярким зеленым светом, а потом разлетелся на куски. Взрывной волной меня оглушило, оторвало от земли и отнесло на несколько метров, основательно приложив о металлическое дорожное ограждение.

Глава 3

Вынырнув из темноты и вернувшись в реальность, вяло тряхнула головой. По лицу текло что-то теплое и липкое. Машинально проверила. Оказалось – кровь из носа, ушей и рассеченной брови. Слава богу, могу двигаться, значит, позвоночник цел, и конечности вроде тоже. Джинсовые шорты до колен защитили бедра от мелких порезов, а вот все, что ниже, – в ссадинах и кровоподтеках. От голубой льняной рубашки с короткими рукавами оторвалось несколько пуговиц, хорошо, что на талии, а не на груди. Пара широких серебряных браслетов на руках довольно сильно содрала кожу на запястьях. Свои туфли я так и не углядела.

Воняет, в воздухе стоит густая пыль, а в ушах противно звенит. Я с трудом встала и начала шарить рукой в сумке. Сейчас у меня в голове царствовала лишь одна мысль: «Надо позвонить маме».

Жаль, но сети не оказалось.

Неожиданно в меня что-то вцепилось сзади, до боли сжимая ребра и чуть ли не ломая руки – так сильно сдавило, а потом резко подняло в воздух. В следующее мгновение я влетела внутрь паучка, падая на что-то мягкое и живое.

– Ой! – вскрикнули снизу.

В ужасе осмотрелась, одновременно неловко сползая в сторону с женщины, оказавшейся подо мной, и не глядя шарила рукой по полу в поисках ремешка своей сумки. А потом приникла к прутьям из незнакомого материала, похожего на пластмассу.

Земля стремительно уносилась вниз, а мы – вверх. Я видела, что военные из нескольких мест ведут огонь по пришельцам, но подбили всего три паучка, а остальные весьма успешно ведут охоту на людей и попутно уничтожают смертоносными импульсными лучами наши огневые точки.

Сквозь мой ужас прорвался такой привычный, но неожиданный звук. Перевела взгляд на свою руку, в которой, оказывается, все еще держала телефон. На дисплее высветилось: «Мама». Выпустив ремешок сумки, судорожно тыкнула пальцем, принимая звонок, и неуверенно спросила:

– Мама?

В ответ услышала шум, треск и мамин захлебывающийся волнением голос:

– Слава богу, ты жива, моя девочка! Береги себя, доченька, и помни – я люблю тебя. Тут творится сущий кошмар, я с трудом дозвонилась до тебя. Наверное, Боженька помог в последний раз. Не знаю, говорят ли сейчас по телевизору, но на нас напали пришельцы, Марьянушка. Убивают, утаскивают на свои корабли. Не приезжай сюда, родная, здесь больше некого искать. И нечего. Я сама приеду, если смогу. А если нет – просто знай, что я люблю тебя. Наши ребятки пропали в этой суматохе, Эрик тяжело ранен. Мы тут в укрытии у военных, но по ним прицельно бьют, и я думаю, мы не сможем выбраться живыми, а потом…

А дальше в телефоне раздался грохот, мамин крик, оборванный на высокой ноте, и безнадежная тишина, в которой я слышала сдавленный хрип. И лишь спустя несколько мгновений поняла, что это я сама хриплю, сдавливая телефон в ладони и прижимая к уху, чтобы услышать мамин голос. Но понимание, что больше никогда не услышу, вызывало спазмы в горле и удушье.

– Боже! – раздался позади меня общий выдох людей.

Сделав судорожный вдох, силой протолкнула воздух в легкие и вместе с остальными моими «сокамерниками» проследила падение подбитого паучка, из брюха которого кричали люди, просовывая руки сквозь прутья.

– Боже, боже, они же все погибнут… – потрясенно пролепетала та самая женщина, на которую я упала.

– Повезло кому-то! – услышала мрачный мужской голос.

– Как вы можете? – возмущенно выкрикнула другая женщина, которая, так же как и я, приникнув к прутьям, следила за падением подбитой леталки.

– Если бы мог, сам бы выпрыгнул отсюда! А теперь вот нас тащат неизвестно куда и с какой целью! А этим вот повезло, отмучились практически… – огрызнулся мужик.

Перепалка отвлекла, позволила перестать напряженно слушать тишину в телефоне и попытаться вникнуть в разговор, да и вообще понять происходящее вокруг. Осторожно подтянула к себе сумку и, словно неразорвавшуюся бомбу, засунула туда телефон, ощущая себя сомнамбулой, которая действует на грани сна и яви, но вырваться из заторможенного состояния пока не в силах.

Осмотрелась вокруг. Да, скорее всего мужик прав. Те, что погибли, отмучились сразу, так легче думать о маме. Проще принять ее вероятную гибель, чтобы суметь и дальше дышать самой. Абстрагироваться от душевных переживаний и не думать, не думать, не представлять…

Мы сидели на плоском металлическом полу, окруженные прутьями под днищем кораблика. Всего шесть человек: двое мужчин и четыре женщины, включая меня. Причем отметила – я самая молодая из всех. Даже бабульку лет семидесяти с гаком прихватили. Как только сердце у нее выдержало все это?!

Мы дружно замолчали и испуганно смотрели на приближающийся основной корабль-паук. Вблизи выяснилось, что его «нога» – огромная, а створки – величиной с ворота какой-нибудь небольшой дамбы. Паучок влетел внутрь, и я услышала дружный «ах». Покрутила головой, рассматривая флагман пришельцев изнутри: мелькающие полупрозрачные светящиеся переходы дугами подпирали потолок. Паучок плавно пролетал под ними, никуда не торопясь, скользя мимо круглых подсвеченных площадок. Я заметила, как в их центре словно вырастали световые колонны, а потом исчезали, оставляя вместо себя какие-то механизмы. Но мы летели настолько быстро, что мне никак не удавалось рассмотреть, что же это такое.

Впереди возникла большая площадка, больше, чем встречавшиеся до этого, и там мы заметили некоторую суету. Стоило леталке-паучку приземлиться, как мы

дружно отпрянули от прутьев, прижимаясь друг к другу, ища поддержки и пытаясь не сойти с ума от ужаса.

Пришельцы! До сегодняшнего дня это слово вызывало у меня двоякие чувства. Либо любопытство, когда смотрела про них очередной голливудский фильм, либо вялый интерес к очередному вопросу о жизни на Марсе. А с сегодняшнего дня, и конкретно с этой минуты, упоминание инопланетян будет рождать в душе омерзение и животный ужас.

Неприятный цокот заставил мое сердце забиться гораздо чаще и с какими-то перебоями, а потом к прутьям приблизился один из пришельцев. Это существо можно было бы назвать гуманоидом, если бы не четыре странные конечности на нижней части туловища, похожие на костяные выросты, а еще точнее – на самые что ни на есть паучьи или крабьи ноги. Именно они в процессе движения издавали этот мерзкий корябающе-цокающий звук.

Четыре внушительного вида конечности темно-коричневого цвета покрыты наростами и грудь человеку пробьют без проблем. Растут они уже из более привычного любому человеку тела, одетого в своеобразное черное боди из неведомого стегано-дутого материала. Как будто из пухового одеяла пошитое.

Две руки, но заканчиваются не обычными человеческими кистями, а клешнями, похожими на крабьи. Я не успела рассмотреть более подробно, потому что мой взор достиг головы, плотно сидящей на широких мощных плечах, без шеи. Голова удивила сильно, особенно лицо: чистая, бархатистая на вид коричневая шкурка, два узких черных глаза без белков, узкие, чуть выпирающие бугорками щелки на месте носа и чересчур полные мясистые губы. А вот подбородка тоже не наблюдается, как и шеи, словно они атрофированы. Вместо ушей – тоже щелки, расположенные выше висков, чуть ли не на лбу.

И все же лицо невероятно похоже на человеческое. Да, уродливое, но приемлемое взгляду и сознанию. Собственно, только крабьи конечности вносят диссонанс в нормальное восприятие внешности этого существа.

Я все еще никак не могла отойти от недавнего телефонного разговора. И принять факт, что вероятнее всего – теперь сирота. А еще то, что и моя собственная смерть, вполне возможно, не так уж далека. На одних рефлексах все отмечала, оценивала, запоминала и испытывала страх вместе с остальными,

но мое личное отношение ко всему этому было пока приглушено разговором с мамой. Моей собственной трагедией, потерей, потому и голова сейчас словно ватой набита. Вероятно, от того я реагировала на все равнодушно-спокойно, без истерики, как остальные женщины.

Чуть в стороне от центра площадки, где мы находились, возник замеченный мною недавно столб света. Похоже, это нечто вроде лифта или даже переместителя. Исчезнув столь же неожиданно, как и появился, он оставил после себя еще двух пришельцев, как две капли воды похожих на стоящих вокруг нашего кораблика, и какие-то то ли коробки, то ли контейнеры.

– Боже, нелюди, они нас сожрут – это точно! – в панике проблеяла шепотом одна из женщин.

– Заткнись! И без тебя тошно! – зашипел на нее один из наших спутников-мужчин.

– Что делать-то? – тихонько всхлипывая, прошептала другая пленница.

– Скоро узнаем, – меланхолично ответила я.

Все, что случилось за столь короткий промежуток времени, весь выплеснутый в кровь адреналин сейчас вызвали у меня апатию и безразличие ко всему.

Один из пришельцев открыл рот и что-то курлыкнул на своем языке, глядя вверх. И в следующее мгновение прутья быстро поползли вверх, входя в пазы днища. Если раньше эти прутья считались преградой к свободе, то в эту минуту дико захотелось, чтобы они вернулись и укрыли нас от этих уродов.

«Крабы», как я мысленно их окрестила, чуть покачиваясь на своих конечностях, поцокали к нам и тонкими копьевидными палками начали отгонять нас в сторону от леталки. Странно, но на мою сумочку, висящую на плече, никто даже внимания не обратил.

Двое прибывших на «лифте» подхватили контейнер и приблизились к нам. Затем на шею каждому из нашей шестерки надели металлический ошейник. Ощущение чужих жутких конечностей на коже вызвало дрожь омерзения. Всех согнали в

кучу в центре площадки, а потом нас охватил тот самый столп света. Мы даже испугаться не успели, как оказались в большом зале, где находилось множество захваченных людей. Мужчин и женщин, но, слава богу, ни одного ребенка я не увидела, и все равно – сотни людей.

Пленники, пребывая в крайнем замешательстве, растерянно оглядывались, рассматривали друг друга, а в следующий момент мы сначала почувствовали вибрацию, а потом рухнули на пол, потому что создалось ощущение, что пол резко ушел из-под ног.

Упираясь руками, я приподнялась и увидела, что из носа снова капает кровь. Именно вид собственной крови заставил сознание проясниться и обострил восприятие происходящего вокруг.

– Похоже, мы взлетаем или уже взлетели… – пробормотал лежащий сбоку от меня молодой мужчина в форме МЧС.

– Почему вы так решили? – тут же спросила девушка лет семнадцати, беспомощно свалившаяся рядом и, как и я, вытирающая нос от крови.

– Резкое изменение внешнего давления! Видите, у многих из нас кровь пошла. К подобным перегрузкам готовы не все и могут их не перенести.

Мужчина, хмурясь, слегка кивнул в сторону, и мы обе посмотрели туда. Та самая бабушка, летевшая недавно со мной, сейчас лежала с синими губами, и интуиция подсказывала, что она тоже отмучилась.

Девушка всхлипнула и быстро подползла к мужчине, хватая его за предплечье в истинно женском стремлении найти защиту у более сильного и умного.

Мужчина тяжело вздохнул, потрепал ее по макушке, а потом решился встать, помогая девушке. Я кое-как поднялась самостоятельно.

– Однозначно взлетели! – процедил он сквозь зубы. – Слишком сильная гравитация.

Мы трое с трудом стояли, так велико было давление. Даже ноги от натуги тряслись.

Я в этот момент особенно остро ощутила, что босая. Пол холодил ступни металлом, и сильно саднила пораненная кожа.

Мужчина снова огляделся, а потом, опять тяжело вздохнув, прошептал:

– И это станет еще одним критерием отбора среди нас.

Мы с девушкой синхронно осмотрелись и, думаю, обе мысленно согласились с ним. Среди похищенных людей много пожилых или слабых, либо больных, либо полных, для которых подобное увеличение гравитации стало непреодолимым препятствием, чтобы всего-навсего встать на ноги, не говоря уже о большем. И сейчас поднимались лишь сильные, молодые, готовые к физическим трудностям люди. Остальные жалобно стонали и продолжали лежать на металлическом полу.

Мужчина в форме оказался прав.

Крабы начали сноровисто сгонять к стенам тех, кто смог встать. А продолжавших лежать начали проверять на предмет жизнеспособности. Не подававших признаков жизни сваливали на платформу, висящую в воздухе, вероятно, за счет антигравитации. А с другими… Оружием, похожим на копья, тыкали в грудь лежащего человека и жестом приказывали встать. Если тот встать не мог, из острия копья вырывался знакомый зеленый луч, поражая очередного несчастного. Вскоре на полу корчились в предсмертных судорогах сотни две человек, остальные все же нашли в себе силы подняться.

Затем мертвых и умирающих сваливали на двигающуюся платформу. Когда с ними было покончено, всех снова согнали в кучу.

– Как вас зовут? – тихо спросил нас с девушкой эмчээсник.

– Марьяна Волоцкая.

– Кира Погодина.

Он кивнул и тоже представился:

– Артем Вележаев! И держитесь все время рядом, девчонки, мало ли что дальше будет.

Мы обе кивнули. Вскоре крабы стали отделять от общей толпы небольшие группы людей и уводить за собой, скрываясь в одном из тоннелей.

– Может, они нас расселяют куда-нибудь? Чтобы здесь не мешались? – испуганно и неуверенно спросила Кира, продолжая цепляться за Артема.

Меня же интересовало другое:

– Артем, скажи, ваша служба была в курсе того, что могло произойти?

Он помолчал, а потом все же признался:

– Трое суток назад пришел приказ о мобилизации сил и средств, всех служб и резервов. И как мне друзья из разных военных ведомств сообщили, у них то же самое было. Ничего никто не объяснял, поэтому все на кофейной гуще гадали, в чем причина. А уж когда началось, успели передать, что на Землю напали три корабля пришельцев, которых засекли как раз трое суток назад, но они никаких действий не предпринимали, просто зависли неподалеку. И все три напали в Северном полушарии. Один вот у нас, второй – на территории Латвии, как я понял, третий – дальше, где-то в Европе.

– Так почему же наши не стреляли ракетами? Или еще чем-нибудь? – роняя слезы, обиженно спросила Кира.

Артем горько усмехнулся, а потом пояснил:

– Я спасатель, девочка. А не ракетчик! И вообще не военный!

Довольно быстро крабы добрались и до нас. Нам повезло, что всех троих определили в одну группу и повели прочь. Из зала по длинному тоннелю, в другой отсек, вдоль которого располагались ряды клеток, оставляя коридор для прохода. И там распределили небольшими группками.

В клетке, куда загнали нас, уже сидели на полу четыре женщины и коренастый мужичок лет пятидесяти. Вместе с нами пленников стало восемь.

Оглядевшись в поиске туалета, я напряглась – мочевой пузырь, стоило организму немного успокоиться, озаботил насущными потребностями. И как же теперь быть?

Мое изумленное мрачное лицо, беспокойный взгляд, ищущий по углам и стенам, привлекли внимание остальных сокамерников.

– Встал неприятный вопросец, да? – хмыкнул мужик. – А учитывая нервное состояние, вообще острый вопросец-то оказался!

Судя по взглядам, суть высказывания мужчины поняли все. Кира невольно тут же посмотрела на Артема в поисках решения данной проблемы.

Пожав плечами, наш новый знакомый хмуро ответил:

– Даже не знаю, что предложить!

За час распределили весь народ по камерам, а мы все это время сидели возле прутьев и ждали дальнейшего развития событий. Я насчитала человек триста пленников, но могла и ошибиться. А ведь в том огромном зале народу было гораздо, гораздо больше! Неужели так мало прошло проверку на пригодность для пока не понятных целей крабов-пришельцев? Или здесь есть еще подобные отсеки?

А в туалет хотелось все сильнее, и не мне одной, вон как некоторые ерзают напряженно. Металлический пол холодил ступни, заставляя еще сильнее ощущать, как им сегодня досталось. Я невольно пробежалась взглядом по своим конечностям, оценивая ущерб, нанесенный моему организму. В ушах уже не звенело, ноги-руки почти целые, не считая порезов, ссадин и ушибов. Огромные синюшные гематомы расползлись на плечах, там, где меня схватили щупальца «паука». Чуть задрав рубашку, обнаружила похожие отметины и на ребрах, тоже доставляющие дискомфорт при движении, возможно, помимо ушибов имеются даже трещины, но переломов точно нет.

И вот я сижу и разглядываю свой «лунный» педикюр, как мне его в салоне отрекомендовали. А неплохо сочетается с голубоватыми от холода ступнями. Лучше бы вместо сумки я за туфлями так пристально следила!

– Послушайте, выпустите меня, твари! Мне домой надо, слышите, мне на Землю надо! Отпустите меня-я-я, – неожиданно заорала женщина в соседней клетке, кидаясь на прутья.

Все беззвучно и тоскливо наблюдали за ее истерикой, не делая даже движения, чтобы успокоить. Кто бы нас самих успокоил?!

Артем резко встал, подошел к прутьям и заговорил тихим, но уверенным голосом:

– Успокойтесь, истерикой тут проблем не решить. Вас могут убить…

– У меня там дети, муж, мама… – заплакала женщина навзрыд, – …зачем мне здесь быть, если они все там? Я хочу домой к мужу и детям.

– Девушка, умерев, вы к ним не вернетесь, поверьте знающему человеку, – мрачно заметил Артем.

– Других спасайте, а меня не надо! Я не хочу никуда с этими тварями лететь, – неожиданно зло прорычала женщина.

Успокаиваться бунтарка явно не собиралась и принялась еще сильнее колотить по прутьям.

– Да пускай нарывается, может, оно и к лучшему, – тяжело вздохнув, прокомментировал перебранку наш сокамерник, коренастый мужичок.

– А что изменится к лучшему, если она умрет? – испуганно спросила Кира.

Солидного возраста соседка воинствующей женщины, положив подбородок на колени, мрачно ответила:

– А так она помрет сейчас, и ее душа сможет встретиться в нашем земном раю и с ребятишками, и с мужем. Главное – сможет добраться до нашего рая. А вот нас сейчас увезут неизвестно куда, и куда мы все после смерти попадем? А? Вы не подумали об этом?

Услышав соседку, женщина на мгновение успокоилась, скорее всего, обдумывая чужие слова, а потом заорала пуще прежнего и всем телом начала биться о прутья, больше не обращая внимания ни на увещевания Артема, который пытался образумить несчастную, ни на взволнованные выкрики других пленников из соседних клеток. Она, казалось, обезумела.

Появившийся краб, страшно цокая острыми конечностями, приблизился к прутьям и, не раздумывая, ткнул женщину в грудь уже знакомой палкой. И все – та осела и задергалась в предсмертных конвульсиях. Самое жуткое, что пока я обнимала и гладила по золотистым длинным волосам плачущую Киру, заметила умиротворенную улыбку на губах женщины, тело которой застыло в последней судороге. Она радовалась смерти!

Этот случай на несколько часов полностью деморализовал всех пленников, ставших свидетелями убийства.

Глава 4

– Вы уж простите старика, но сил терпеть больше нет, – сконфуженно выдохнул наш кряжистый сосед и подошел к прутьям возле стены.

На него невольно уставилось несколько пар глаз, а он, смущаясь, повернулся вполоборота, и мы все услышали звук расстегиваемой молнии на ширинке. В следующий момент струя ударила в небольшое круглое отверстие в полу, находящееся сразу за прутьями, на границе между нашей клеткой и соседней.

Справив нужду, мужчина, ни на кого не глядя, опустив голову, вернулся в свой угол. И именно в этот момент я осознала, что грань нашей общей нравственности и морали фактически пересечена. А ведь мы в плену всего несколько часов, но простое желание облегчиться невольно заставит любого из

нас выставить этот физиологический процесс и себя, в том числе, на обозрение десятков чужих людей – мужчин и женщин. Пока я мучилась этими самыми, будь они неладны, нравственностью и моралью, к дыре в полу подошла женщина и, неловко присев над ней, тоже, культурно выражаясь, перешагнула через себя. Затем еще пара человек из соседней клетки… А вот в нашей пока стояло нерешительное молчание.

Так в мучительной нерешительности прошло, наверное, около часа. И вот в тот момент, когда я сама уже решилась подойти к отхожему месту, по коридору разнеслось характерное цоканье. А затем появились крабы с уже знакомыми копьями и странными трубками наперевес.

Встревоженные пленники внимательно следили за семью иномирцами, следующими по коридору и о чем-то раздраженно курлыкающими. Наконец они добрались до нашей клетки, постояли, поглазели по сторонам и на нас в том числе. При этом тела их по-дурацки подпрыгивали на жутких конечностях. А затем крабы перешли к соседней клетке.

Там тоже постояли, покачиваясь вверх-вниз и продолжая издавать неприятные звуки – похоже, о чем-то спорили, а потом открыли дверь и вошли внутрь, по-военному профессионально оттесняя людей к стенам, направив на них копья.

Двое других направились к дыре в полу и начали ее изучать, водя над ней теми самыми, непонятными светящимися изнутри трубками. В них что-то пискнуло, и крабы, видимо, неожиданно получив какую-то негативную информацию, яростно зашипели. У меня екнуло сердце от плохих предчувствий, и оно не обмануло.

Эти двое так разъярились, что не глядя пальнули лучами по людям, и без того уже жавшимся к прутьям клетки. Мы все закричали и, действуя на инстинктах, упали на пол, прикрывая руками головы. Несколько мгновений было тихо. Затем пятеро крабов-охранников гневно что-то закурлыкали двоим стрелявшим и тоже пару раз пальнули по людям – несколько мужчин из соседних клеток кинулись на пришельцев, но бунт подавили в зародыше.

Крабы быстренько удалились из клеток, а потом и вовсе покинули отсек. Но вскоре вернулась целая крабья команда с инструментами и оружием наперевес.

В первую очередь забрали трупы, а уж во вторую – начали заходить в каждую клетку, провоцируя напряжение и ужас у людей, там сидящих, и быстро собирали и устанавливали какие-то коробки. Потом подтаскивали за ошейник первого попавшегося пленника и показывали устройство. Оказалось, это – туалет. Зашел, сел и сделал все дела. Затем вышел, нажал на панель, заглянул, а там уже ничего нет. Самое ужасное, что одна из женщин в другой клетке нажала на панель, не успев выйти. У нас создалось ощущение, что ее куда-то засосало. Бесследно! Зато наглядно – таких ошибок больше никто не совершит!

Стоило пришельцам уйти, как в коробки, несмотря на тот кошмар, что мы видели, потянулись ручейки страждущих. И я в том числе. Радовало, что борта космического тюремного сортира доходили до груди, и по крайней мере, ничего не видно, а на звуки уже никто внимания не обращал.

Плюхнувшись рядом с товарищами по несчастью, поджала ноги под себя и в этот момент ощутила, что адреналин в моем организме иссяк. Сидела безвольной уставшей тушкой и тупо пялилась в металлический пол. Стоило телу расслабиться, как навалились тоска и осознание всего произошедшего. Нереальность случившегося – но ведь случившегося.

Еще вчера в это невозможно было бы поверить, а уже сегодня… Невосполнимые потери: Неля, тетя Нина, мама и Эрик… Меня буквально душили рыдания. Слезы жгли глаза, и я, упершись лбом в предплечья, плакала, стараясь делать это потише. Обо всем и обо всех. Мысленно хоронила близких, родных, свои мечты и саму жизнь. Думать о Земле и ее дальнейшем будущем сил уже не было!

Ощутила, как придвинулись с двух сторон Артем и Кира, обнимая и молча разделяя боль и потери. А вскоре Кира рыдала вместе со мной на моем же плече. Я чувствовала ее горячие слезы, что текли по моей коже. А еще со слезами приходило чувство пустоты внутри. Пусто, но болит! Странно…

Спустя время я все же успокоилась. Привычно подтянула к себе сумку, порылась в ней, отыскивая зеркало и расческу. Нечаянно наткнулась на подследнички. Всегда ношу их с собой, потому что кожа очень нежная и тонкая и обувь часто натирает ноги. Вот и спасаюсь таким нехитрым способом. Тут же нацепила на замерзшие ноги – хоть какая-то защита.

Затем уставилась в зеркальце, всматриваясь в свои черты. Бледная чистая кожа лица хорошо контрастировала с каштановыми волосами. Короткая стильная прическа открывала симпатичные уши, тонкую шею и высокий лоб. Я всегда надеялась, что у меня «умный» лоб. Немного вздернутый, но милый носик, на котором круглый год красовалось несколько веснушек, которые так любила мама. Она всегда целовала меня в нос, называя веснушкой. Красавицей меня не назовешь, но тонкие черты лица и яркие глубокие голубые глаза заставляли многих мужчин оказывать знаки внимания и искать встреч со мной. Тем более что и фигурой бог не обидел, хотя ноги могли бы быть и подлиннее, да что уж там жаловаться.

Но это было вчера. Сейчас в зеркале отражаются тусклые глаза, в которых застыли страдание и горечь потерь. Мягкие губы сжаты в тонкую скорбную линию. Все лицо в разводах пыли и крови, а бровь рассекает длинная некрасивая ссадина. Даже в ушах грязь. Про взлохмаченную коричневую шевелюру с торчащими в разные стороны прядями вообще молчу.

Тяжело вздохнув, достала влажную салфетку и принялась приводить себя в порядок, стирая грязь и кровь.

– Салфетки береги, еще пригодятся! – неожиданно хохотнул Артем, кивнув на туалет.

Мы с Кирой смутились, догадавшись, о чем речь. Боже, как все прагматично и прозаично!

Едва я закончила расчесывать волосы, заодно вытряхивая из них мелкие осколки бетона и остального мусора, свалившегося на меня во время обстрелов, мы вновь услышали жуткое цоканье, означающее приближение пришельцев и новые неприятности.

И те не замедлили появиться!

Мы все заволновались, потому что крабы начали уводить по два-три человека. А возвращались – через некоторое, чрезвычайно томительное время – уже не все. Вернувшиеся пояснили соседям по камерам, что их водили в лабораторию, где различными способами проверяли. На что именно и для чего – осталось загадкой, но ничего болезненного или страшного не делали. Когда до нашей

клетки осталась всего одна, Артем с горечью процедил:

– Ну что ж, вот и следующий критерий отбора. Им нужны только женщины и, видимо, детородного возраста.

Кира испуганно хрипло прошептала:

– Почему ты так решил?

Артем потер лицо обеими ладонями, а потом, печально ухмыльнувшись, ответил:

– Из восьми камер обратно вернули исключительно женщин. И заметь, самой старшей из них – сорок – сорок пять лет. Те, что старше, с проверки не вернулись!

Я тоже пришла к озвученным выводам и сейчас, думаю, такая же бледная и отчаявшаяся сидела и смотрела на Артема, пытаясь найти способ спасти его от неизвестной участи.

– А давай что-нибудь с твоей одеждой сделаем?! Порвем штаны, сделаем что-нибудь типа юбки и…

Лихорадочный лепет Киры оборвал сам Артем. С нежностью погладив девушку по щеке, твердо сказал:

– Если бы они по внешнему виду могли определить – женщина перед ними или мужчина, не хватали бы всех подряд. Значит, нас сканируют или каким другим способом проверяют. Зрят, как говорится, в самый корень! Так что смена имиджа – пустая трата времени.

Кира заплакала и повисла у мужчины на шее, прижимаясь к нему всем телом. Я почувствовала, как у меня по щекам тоже ползут слезы.

– Девчонки, не оплакивайте меня раньше времени. Быть может, нас просто разделяют, и для мужчин у них другое назначение имеется. Я буду помнить о вас, и если представится возможность, мы снова увидимся!

Послышалось цоканье, затем едва слышный шелест двери, а потом нас дружной компанией забрали на осмотр. Привели в большой отсек, заставленный оборудованием непонятного назначения. Потом, проведя пару процедур, нас с Кирой под конвоем отправили обратно, а вот Артема увели в противоположную сторону.

Несмотря на палки, которыми нас тыкали в спины, мы часто оглядывались назад, провожая глазами удаляющегося Артема.

Когда мы с Кирой вернулись в свою камеру и уселись на пол, мне стало невероятно страшно. Слова Артема о детородном возрасте и исключительно женском отборе звенели в голове набатом. В животе словно болезненный узел завязался, меня начала бить мелкая противная дрожь. Взглянула на Киру, та пустым взглядом серых глаз смотрела в стену и качалась вперед-назад. Она больше меня привязалась к этому хорошему и сильному мужчине и сейчас, оказавшись без его моральной поддержки, страдала гораздо сильнее. Да и возраст – семнадцать лет. Девочка совсем. Я села к ней вплотную, обняла и прижала к себе, стараясь поделиться своим теплом.

Так мы просидели довольно долго, пока усталость и пережитый стресс не сморили обеих.

Глава 5

– Ужас, Марьян, мне уже так невмочь, что выть хочется, – проворчала Кира, плюхаясь на пол рядом со мной.

– А ты, Кирюш, попрыгай, и сразу веселее станет! – иронично предложила наша сокамерница Света – высокая, дородная, но молодая женщина.

Я подвинула брикет подруге и посоветовала:

– Ешь давай!

Пищу нам выдавали два раза в день. В больших квадратных упаковках, похожих на фольгу, которую чуть ли не зубами приходилось надрывать, чтобы добраться до противной серой жижи. И все же мы ее ели… или пили – альтернативы не предоставили. Самое неприятное и трудно переносимое – не давали воды.

И эта самая мерзкого вкуса и вида жижа служила и питанием, и источником влаги для наших организмов, оказавшись новым критерием отбора среди людей. Дня через три нашего путешествия в неизвестность умерли еще несколько женщин: одна впала в кому со своим сахарным диабетом, у двух других, вероятно, с почками проблемы были. По крайней мере, ходили такие слухи по камерам.

Тот тип питания, что нам предложили, подошел не всем! Без воды жилось невесело, но наша еда, видимо, содержала что-то, позволявшее пока держаться – мы всем скопом не помирали, хоть и грезили о глоточке чистой воды. Мне она даже во сне снилась все время.

Еще несколько женщин покончили жизнь самоубийством, им, наверное, слова про отсутствие земного рая где-то там тоже запали в душу. Кто-то из отчаявшихся воспользовался туалетом и «смылся», кто-то кинулся на прутья клеток, спровоцировав наших тюремщиков на убийство, а нашлась и такая, которая перерезала маникюрными ножницами вены на руках. Умирала она долго и жутко для соседок.

– Все, ровно, отмечай, – пробасила из соседней клетки темнокожая русская негритянка Ксения, посмотрев на свои часы.

Отложив брикет, я достала из сумки губной карандаш и в углу на полу нарисовала жирную полоску. Их стало ровно двадцать одна – столько дней мы провели в плену.

– Ровно три недели, девочки! – громко оповестила остальных.

– Да уж, мы еще живы! Прошло три недели, а даже выпить нечего, только закусить, – грустно усмехнулась Ксения.

Постепенно, незаметно для самих себя мы все начали общаться. Нам стало важно выяснить имена каждой соседки. Посчитали общее количество

оставшихся женщин в этом отсеке – оказалось девяносто две. Мы точно не знали, есть ли на этом корабле другие такие отсеки и все ли пленники находятся именно здесь. Ведь судьба мужчин и пожилых людей так и остается неизвестной. А еще мы приняли во внимание тот факт, что на Землю напали три корабля пришельцев, так что таких же пленников, как и мы, может быть в разы больше.

И вообще, люди ко всему привыкают. Так и мы. Свыклись с клетками, с открытыми туалетами, с отсутствием воды и жижей в брикетах. А теперь вот привыкаем к жуткому амбре, которое постепенно, с каждым прошедшим днем, заполняет весь отсек. Почти сотня немытых, грязных женщин, которые прошли сквозь огонь и медные трубы. Жаль воды не хватает.

Артем оказался прав – влажные салфетки пригодились. Причем, как счастливая обладательница подобного сокровища, я берегла их как зеницу ока, наслаждаясь тонким запахом мяты и лаванды, когда с упоением протирала свое тело, хоть чуть-чуть ощущая себя чистой.

Мы привыкли даже к цокоту крабьих конечностей и уже не кидались в глубь камер, а лишь немного напряженно ждали, пока они удалятся. Каждая из нас теперь знала, по каким критериям велся отбор среди выживших. И боялась этого, в глубине души сходя с ума от страха неизвестности и пытаясь не верить, что мы им нужны для размножения, – слишком велика разница между нашими видами. Да и сами крабы людьми не интересовались вовсе. Мы для них словно инструменты или груз соответствующего назначения.

Я пыталась научиться различать их между собой. Если, например, китайцев хоть как-то могла отличить, то крабы для меня оказались все, скажем, на одно лицо. Да у них даже выражение на лицах у всех одно и то же – причем всегда. Ни одной морщинки – кожа гладкая и нежная, но по мне – как будто неживая. Пустые глаза без эмоций и одинаковые размеры тел – словно это клоны!

Поглощение еды прервало ощущение вибрации: сидя на полу, я ощущала ее всем телом. Спустя пару часов по моему внутреннему времени послышался знакомый цокот.

– Похоже, что-то неприятное для нас назревает… Не нравится мне эта вибрация, – с тревогой пробормотала соседка Света.

Кира подобралась и подсела поближе ко мне. Боже, неужели я пахну так же неприятно, как она?

Все напряглись еще больше, когда из первой клетки забрали трех женщин! Мы все ждали их, ждали, ждали, сходя с ума от неизвестности. Чего-то долго ждать – не в моем духе, но сейчас это стало вовсе невыносимым.

Спустя несколько часов крабы пришли за новой партией женщин, но предыдущих не вернули.

– Началось! – прошелестел придушенный страхом шепот пленниц.

И потекли новые часы ожидания. Первой не выдержала Кира – положив голову мне на колени, заснула. Я же попыталась встряхнуться, взлохмачивая и так уже – дальше некуда! – грязные сальные волосы, наверное, превращая короткую стрижку у себя на голове в ершик для унитаза. Потерла ладонями лицо, но мои нервы тоже оказались не железные – я уснула.

Разбудили нас внезапно. Пробежав палками по прутьям, парочка крабов вытащила в коридор одну пленницу. И всем продемонстрировала, что от нас требуется. Оказалось – раздеться догола!

Драться или препираться с пришельцами – глупо, да и бессмысленно, все равно ничего не добьешься, кроме импульса смертельного луча в грудь. Женщины, неуверенно поглядывая на своих соседок, принялись покорно обнажаться, кидая одежду в коридор, как жестами потребовали крабы. Абсолютно все вещи, включая белье.

В коридоре появился робот-уборщик, который все это время развозил нам еду, а потом забирал обратно пустые контейнеры. Сейчас он запихивал в свое нутро наши вещи, методично собирая их по полу вдоль коридора.

А мы с женщинами ощущали стыд, ненависть к чужакам и страх перед будущим. Что еще задумали эти уроды?

– Света, еще кого-нибудь забрали? – тихо спросила Кира, неловко прикрываясь руками снизу, а сверху ее еще даже не сформировавшуюся до конца грудь

скрывали пряди длинных грязных светлых волос.

– Из трех камер забрали, потом прекратили, а сейчас вот по-другому развлекаются, – процедила женщина, с яростью глядя на робота, запихивающего в себя наши вещи.

– Семьдесят одна женщина осталась! – горестно выдохнула Кира.

После объявления этой новости она прекратила прикрываться руками и обреченно осела на колени, опершись на пятки.

– Семьдесят! Девочки сказали – в двенадцатой камере у одной сердце не выдержало, – мрачно заметила Света.

Я заметила, как Ксения задумчиво разглядывает туалет. Словно боясь его коснуться. Стоит рядом и то протянет руку к нему, то снова отдернет. У меня в голове что-то щелкнуло, и я кинулась к прутьям с шипением:

– Ксюшка, не смей! Слышишь? Это не выход!

– А другого и нет! – вполоборота повернув ко мне голову, с горечью и отчаяньем возразила она, пояснив: – Для размножения я не гожусь, мне в автомобильной аварии там что-то повредили и – все! Вот теперь все! Так какая разница – чуть позже или сейчас?!

Я окинула взглядом ее плотную, несмотря на трехнедельную инопланетную диету, фигуру: большая грудь, крутые бедра с приличной задницей, полные ноги – и вместе с тем все вместе смотрелось скорее аппетитно и сексуально. Да ее хоть сейчас можно вешать на плакат: «Создана для материнства!»

К потенциальной самоубийце подлетела пара ее соседок и оттащила от туалета, а я грозно прорычала в ответ:

– А такая! Лучше поздно, чем рано, поняла?! Лучше попробовать и морщиться от горечи, чем никогда не узнать вкуса! Сдохнуть мы все успеем, а вот выжить – не каждой из нас удастся. А ты сама… Мы должны хотя бы попытаться выжить! Узнать, ради чего и зачем все муки…

Уткнувшись лбом в колени, Ксения обреченно зарыдала, трогательно вздрагивая всем телом. Даже ее многочисленные кудряшки дергались вместе с хозяйкой.

В коридоре неожиданно раздался грохот, быстро заставив нас встрепенуться и переключить внимание на крабов. Те при помощи робота перемещали вдоль клеток очередное непонятное устройство, похожее на шкаф. Установив его в середине коридора, начали по очереди подводить к нему женщин и заталкивать внутрь.

Первая испытуемая орала и сопротивлялась, не желая заходить, но ее туда практически закинули. Нажали на панель, а спустя несколько секунд мучительного ожидания очередного кошмара бедняжка буквально выпала из неведомого агрегата, стоило открыться створкам.

Медного цвета шевелюра испытуемой торчала дыбом, но зато оказалась чистой – впрочем, как и все тело. Грязные разводы бесследно исчезли. Трясясь всем телом, быстро и с большой долей облегчения, она ринулась в свою камеру, словно только там чувствовала себя в безопасности. Дожили!

Затем, уже более спокойно, в космический очиститель завели вторую – и так всех по очереди. Я уже с нетерпением ждала своей очереди, так хотелось почувствовать себя чистой.

Ощущения в «шкафу» были премерзкие! Такое чувство, что чьи-то шершавые конечности шарят по моему телу. А в конце – словно в аэротрубе. Даже над полом приподнимало. Зато теперь мои шоколадного цвета короткие волосы – чистенькие, ну разве что торчат в разные стороны и потрескивают от напряжения.

Чуть позже, стоило крабам убрать шкаф, вернулся робот и прямо на пол в коридоре вывалил всю кучу недавно собранной одежды. Процедура одевания также проводилась в порядке очереди. Копаясь в ворохе тряпок, каждая искала свои. Но зато как приятно облачиться в чистые, пусть и мятые, белье и одежду. Даже мои следочки в кармане нашлись, чему я несказанно обрадовалась. Правда, с дыркой на большом пальце, но хоть такая защита для ступней.

А буквально через минуту после окончания банно-прачечных процедур забрали следующую партию женщин. Их мы ждали долго, но они так и не вернулись.

– Шестьдесят одна! – прошептала в пустоту Кира, перед тем как заснуть, привалившись к стене и моему плечу.

Глава 6

Сложно, очень сложно знать, что приближается грань, за которой – смерть или жизнь! Сложно знать и не иметь возможности сделать хоть что-нибудь, чтобы спастись, защититься, изменить ситуацию. Лишь покорно ждать!

Из дремы меня вырвали тычком палки под ребра. Вздрогнув и зашипев от боли, я села, оглядываясь. За нами пришли! Бросила испуганный взгляд на соседнюю клетку – пусто! Из предыдущей партии страдалиц обратно никого не вернули! А в следующей за нашей кто-то спит, а кто-то, схватившись за прутья, пристально и сочувствующе смотрит на нас.

Новый тычок. Пришлось встать. В страхе отступила от жутких клиновидных конечностей пришельцев, опасаясь за собственные ноги. Кира, я и Света, держась за руки, вышли в коридор. В этот раз к нам присоединили женщин из следующей камеры, вызвав совсем уж нехорошие предчувствия. С первыми не торопились, и проходили часы, пока приходили за следующими. А теперь – словно на авось проверяют и кучей тащат. Вдруг – да выйдет что-нибудь путное из нас!

Всего забрали в этот раз девять женщин, и мы, то испуганно озираясь, то тупо глядя под ноги, шли по коридорам в сопровождении крабов. Иногда я нервно шарахалась в сторону, чтобы острые клешни с омерзительными наростами нечаянно не проткнули мою стопу, да пока мы чистые, смогла, не отвлекаясь на наши запахи, оценить «аромат» крабов. Премерзко пахнут, однако! Какой-то тухлятинкой. Правда, не сильно, а едва ощутимо, но мне почему-то подумалось, что из-за этих странных черных дутых комбинезонов, которые они носят.

Уже знакомым тоннелем мы вышли на площадку, куда захваченных в плен землян впервые выгрузили из паучка-леталки. Затем нас поставили тесным кружком на платформе светового лифта-переместителя. Мгновенная вспышка – и мы, моргая, испуганно озираемся на очередной площадке, где мимо снуют

десятки крабов, вызывая приступы животного страха и заставляя нас испуганно жаться друг к дружке. Тычками указав направление, повели дальше – по новым тоннелям и коридорам.

К тому моменту, как мы оказались в небольшом зале, я уже с трудом шла – с непривычки заболели босые ноги: ступни заледенели, а пятки и пальцы до синяков сбиты о неровности и выступы на полу. Поэтому внезапную остановку я восприняла с некоторым облегчением. Огляделась.

Вокруг суетятся крабы в синих костюмах вместо привычных черных, деловито перемещаясь между столами, похожими на наши патологоанатомические, вдоль стен пиликают неведомые приборы. Нас незамедлительно подвели к установке, похожей на наш флюорограф. Затем меня за ошейник выдернули из общей кучи и подтащили к устройству. Пока я раздумывала: начинать ли сопротивляться или пока рано, меня засунули внутрь установки, зафиксировали руки, ноги и голову, а потом оставили в покое. Как оказалось, ненадолго!

Взглянув перед собой, увидела в небольшом квадратном зеленоватом стекле отражение собственного лица. От неожиданности я широко раскрыла глаза, и в этот момент вспыхнул свет, ослепив и оглушив. Создалось ощущение, что меня сильно ударили, причем изнутри черепа и прямо в лобную часть так, что глаза чуть не вылезли из орбит. Страшная раздирающая боль затопила сознание, словно в моем черепе завелся дикий осиный рой и жалит, жалит, жалит… И в этом многоголосом гомоне мне чудилось странное жужжание… А может, шепот…

Когда я уже решила, что вот-вот сойду с ума от боли, все резко прекратилось. Из установки, ставшей для меня пыточной, стоило крабам меня освободить, я буквально вывалилась под ноги спутницам. Они в ужасе смотрели на меня, пока я приходила в себя да вытирала идущую носом теплую кровь.

Эту же процедуру повторили со всеми женщинами, но предпоследняя не выдержала пытки болью. Как только ее отцепили, к нашим ногам свалилась мертвая женщина – какое может быть сомнение, когда на тебя глядят пустые безжизненные глаза. Но ее все равно проверили, а затем сноровисто утащили тело.

– Я сбилась со счета, – отчаянно выдохнула Кира.

– Ты о чем? – тихо спросила мрачная Света.

– Сколько осталось в живых, теперь точно не знаю, – с горечью пояснила девушка.

– Да какая теперь разница?! Скоро все на том свете будем! – устало прошептала Лена, яркая крашеная блондинка.

– Не факт, что скоро, но будем обязательно. Отбор уж больно серьезный, – процедила другая женщина, которую запросто можно было перепутать с мужиком.

Дальше разговаривать нам не дали, повели прочь из зала. По дороге у меня появилось ощущение, что мы покинули корабль. Потому что стены в какой-то момент стали скальными, с вкраплениями поблескивающего кварца.

– Вы стены видите? Мне кажется, мы прибыли по назначению на планету какую-то… – тихо пробасила мужеподобная тетка по имени Василиса, озвучивая и мои мысли.

– Ну что ж, думаю, сейчас и узнаем: зачем нас везли сюда! – удрученно прокомментировала Света.

Между тем, пройдя под огромной аркой, мы оказались в пещере. Я крутила головой, разглядывая окружающее пространство. Огромное, метров десять в высоту, площадью не менее большого концертного зала, разделенное прозрачной, гудящей от напряжения стеной, чуть искажающей контуры внутренних сооружений на две неравные половины. Меньшую, расположенную внизу, и большую – вверху, где мы находились сейчас. Присмотревшись, поняла, что эта стена энергетического происхождения, а не какое-нибудь стекло. Под потолком я заметила большие отверстия, скорее всего, искусственного происхождения, в чем убедилась, почувствовав движение воздуха, – вентиляция, похоже.

Нас подвели к круглой, огороженной металлическим поручнем площадке и сняли ошейники со всех пленниц. Каким-то образом сделав проход в перегородке, пропустили внутрь под присмотром трех конвойных. Другие крабы остались за энергетической стенкой, которая вновь выросла у нас за спинами.

А мы, все сильнее напрягаясь, осматривались в нижней части пещеры. В полукруглой стене на равных расстояниях друг от друга располагались проемы, зарешеченные зелеными лучами-прутьями. И сколько ни всматривалась, никого за ними не заметила.

Долго нам отдыхать не пришлось. По ступеням вниз толкнули Василису, за которой последовал краб с оружием наперевес. Далеко отходить от лестницы тот не стал, лишь жестами показал, что надо выбрать один из проемов и коснуться панели на стене. Наверное, чтобы открыть.

– Страшно-то как! – прошелестела рядом Света придушенным голосом.

Кира, вцепившись в мою руку, мелко дрожала, правда, я от нее тоже не отставала. Дико захотелось в туалет – то ли от страха, то ли ноги замерзли совсем.

– Такое ощущение, что сами они боятся туда спускаться… – задумчиво произнесла еще одна наша спутница – ярко-рыжая пышка Дана, кожа которой была буквально обсыпана веснушками и мелкими прыщиками.

– Если там что-то еще опаснее этих крабов, то нас ничего хорошего не ждет! – всхлипнула Люда, до побелевших костяшек пальцев вцепившись в металлический поручень.

Тем временем Василиса, неуверенно оглядываясь на нас, шла вдоль стены, на пару мгновений останавливаясь возле проемов, напряженно вглядываясь в просветы, вместе с нами гадая – что там.

Все женщины дружно подались вперед, так же как и подруга, всматриваясь в сумрак проемов.

– Васька, не торопись! – громко зашептала Света.

Крабы, охраняющие нас, резко развернулись и злобно курлыкнули на нее, угрожающе перебирая острыми конечностями и качаясь вверх-вниз.

Наша компания дружно подалась назад, вжимаясь в поручни, но пришельцы лишь вновь повернули в сторону происходящего внизу гладкие, без единой морщинки, безэмоциональные лица.

Василиса испуганно смотрела на нас. Сейчас она выглядела не такой уж мужеподобной и уверенной в себе. Просто – крупной растерянной бабой, нуждающейся в защите. Она буквально подпрыгнула на месте, когда один из крабов предупреждающе выстрелил зеленым лучом ей под ноги.

Именно это привлекло мое внимание к одной детали: стены и полы были в черных разводах. Вроде ничего примечательного и удивительного, но все здесь явно естественного происхождения – натуральное, если так можно выразиться, каменное. Так мне показалось на вид, а уж на ощупь моими многострадальными ступнями – и вовсе. По крайней мере, следочки, выдержавшие три недели существования в клетке, сейчас все в дырах. Так вот, на гораздо более светлых каменных полах и стенах выделяются смолянисто-черные пятна, словно подпалины…

Моя интуиция дала о себе знать, заставив сердце сжаться в груди от дурных предчувствий. И в этот момент Вася все же решилась открыть одну из энергетических решеток. Неуверенно приложила ладонь к чуть светящейся панели и замерла, вглядываясь вперед, в темноту провала за рассеивающейся решеткой.

Пару мгновений ничего не происходило, и мы так и стояли, затаив дыхание и подавшись вперед, вместе с Васькой вглядываясь в таинственный сумрак. Женщина внизу, вздрогнув, неожиданно пискнула и сделала невольный шаг назад. А мы увидели загоревшиеся в темноте красные глаза, а затем – ореол лица.

Я вдохнула, почувствовав жжение в груди – от напряжения слишком долго сдерживала дыхание. Вася отступила еще на шаг, а вслед за ней, словно привязанный, шагнул крупный, чуть коротконогий мужик. Абсолютно обнаженный! Я пару мгновений во все глаза разглядывала этот еще один оживший кошмар – столько, сколько понадобилось мужику, чтобы жутко светящимися красными глазами уставиться на Ваську и глубоко вдохнуть. А потом…

Наш крик ужаса слился с воплями неожиданно подобно факелу вспыхнувшей Василисы, которая застыла на мгновение, сделала пару неуверенных шагов, размахивая горящими руками, а потом рухнула на пол, судорожно подергиваясь, сгорая заживо.

Мы кинулись было вверх по ступеням, подальше от этого ужаса, сопровождавшегося тошнотворным запахом паленой плоти, – сознание отключилось, сработало лишь чувство самосохранения. Но далеко убежать нам не дали. С верхних ступеней к нам устремились зеленые смертоносные лучи – предупреждающие и отрезвляющие. Но самой первой пленнице не повезло – один из лучей поразил ее, и та сломанной куклой покатилась по ступеням вниз, сбивая с ног и нас.

– Отмучилась! Осталось шестеро! – тихо произнесла Кира, прижимаясь спиной к поручню.

Мне показалось, она не боится упасть вниз к монстрам – сейчас самая молодая из нас гораздо сильнее боится трупа убитой женщины. А меня напугали ее пустые, безумные глаза – Киру тоже наконец сломали. Бедная девочка! Я почувствовала, как горячие крупные слезы текут по моим щекам. Мне, видимо, тоже до грани совсем немного осталось.

Нам не дали прийти в себя, и следующей стала Дана. Она кричала и сопротивлялась, но ее вытолкнули к клеткам. С такой силой, что, пролетев несколько метров, она буквально врезалась в стену, и одна энергорешетка начала рассеиваться. Стало быть, очередная смертница задела открывающую панель.

Дана закричала, отлепилась от стены и рухнула на пол, затем, судорожно перебирая конечностями, начала отползать. В этот раз мы даже никого не увидели, лишь синее пламя, облизывая стены, лениво выпорхнуло из тоннеля и набросилось на женщину.

Прижав к себе Киру, я не давала ей смотреть вниз, да и сама зажмурилась, лишь слышала крики.

– Пятеро! – глухо прокомментировала Кира.

– Перестань! Пожалуйста! – прорыдала Света, раскачиваясь из стороны в сторону, ладонями размазывая по лицу кровь и слезы.

Вмешаться не успела, меня двинули в спину, и я кубарем полетела вниз по ступеням. Мне удалось схватиться за одну из четырех мощных конечностей краба, который стоял в самом низу. И только благодаря этому я не свернула шею. Ожидаемо, краб оттолкнул меня, острым концом «ноги» оцарапав плечо.

Покряхтывая, встала и, нервно озираясь, посмотрела вверх. Четыре женщины в ужасе уставились на меня, но я из последних сил попросила:

– Света, не давай Кирке смотреть, умоляю!

Света кивнула, силой отодрала рыдающую девушку от поручня и прижала к своему плечу.

А я тоже плакала, прощаясь с жизнью, и с ужасом в душе молилась о быстрой смерти, чтобы долго не мучиться от боли. Никогда не думала, что сгорю заживо. Каменистая крошка разлетелась в метре от меня – поторапливают, уроды!

На подгибающихся от страха и слабости ногах я двинулась вдоль стены, обходя черные останки Василисы и Даны. Впервые в жизни усилием воли отключила все остальные инстинкты, кроме интуиции. Представила, что играю в русскую рулетку. Пусть из барабана вылетает не пуля, а пламя – но где наша не пропадала!

Возле каждого проема я замирала на пару мгновений и снова шагала дальше. Не знаю, что заставило остановиться и выбрать одну из самых удаленных решеток, но я замерла. Мне показалось, что оттуда пахнет чем-то не столь неприятным, как из предыдущих. Сложно распознать, чем именно и на что это похоже – едва уловимый запах. Но хоть какое-то разнообразие в моем нынешнем мире зловония.

Подняла трясущуюся руку и, больше не раздумывая – альтернативы все равно нет, – нажала на панель.

Глава 7

Мгновение-другое ничего не происходило. Я продолжала трястись от ужаса, в глубине души все же на что-то надеясь. И вот когда напряжение достигло апогея, увидела в глубине тоннеля вспыхнувшие красноватым светом глаза. Затем раздался шорох – кто-то приближался, тяжело ступая по камешкам и шурша песком под ногами.

Инстинктивно захотелось удрать, забиться в щелку от наступающей на меня смертельной опасности, но я понимала всю бесполезность этого естественного порыва – проклятые крабы вернут обратно или убьют. Так и стояла на месте, все сильнее втягивая голову в плечи и ощущая соленые слезы, которые катились по щекам, стекая на губы.

Так оно постепенно и проявлялось в темноте: светящиеся глаза, ореол лица, очертания тела существа, приближающегося ко мне. Я приготовилась умереть и обреченно ждала, что вот-вот в меня полетит смертельное пламя, но этот некто просто медленно двигался в мою сторону. Странно двигался, заторможенно – словно сомнамбула или под гипнозом.

Я даже умудрилась рассмотреть его получше, чем того, первого, который после гибели Василисы мгновенно исчез в глубине тоннеля так же внезапно, как и появился. А когда мы все смогли разумно мыслить, крабы решетку за ним уже активировали.

Этот же – очень крупный мужчина – ростом под два метра, со смуглой золотистой кожей, покрытой, как мне показалось, красноватой выпуклой сеточкой, словно кто-то специально ромбики красной краской рисовал. Или сетку рыболовную красного цвета на него набросил. Короткие красные пряди волос, торчащие в разные стороны, как и у меня. Узкие, вытянутые к вискам, но очень выразительные глаза, горящие красноватым потусторонним светом – почти как у кошек в темноте. Покатый лоб и странные брови – сросшиеся на переносице в одну красную линию, а на висках обвисающие пушистыми перьевидными кисточками с легким оранжевым отливом, спускаясь почти до середины немного впалых щек. Скулы – чуть более острые скулы, чем обычно бывает у людей. Нос – плоский, широкий, но все равно достаточно выраженный, как и у нас. Больше удивил рот – безгубый, совсем как у рептилий, но, что странно, не вызывающий отвращения. Наверное, потому что его скрашивает

тяжелый подбородок с ямочкой. Еще меня смутили уши – меньше, чем у нас, и гораздо более плоские и тоже, как и вся кожа этого существа, покрытые красной, едва заметно выпуклой сеточкой.

Успела пробежаться взглядом по внушительным плечам, мощной груди, мускулистому животу, отметив отсутствие сосков и даже – весьма и весьма похожую на человеческую – мужскую плоть в паху. Правда, безволосую и довольно крупного размера, хоть и в невозбужденном состоянии, но все же привычную моему взгляду. А вот ноги для мужчины столь высокого роста коротковаты, но зато впечатляют развитой мускулатурой и ступнями с четырьмя длинными пальцами.

Мужчина приблизился, замер, очень сильно и шумно вдохнул. Я в ужасе сжалась, ведь именно после подобного действия погибла Василиса. Ее «выбор» тоже вдохнул, а потом выдохнул синеньким пламенем – и поминай как звали.

Мой «выбор» снова шумно выдохнул, вдохнул, словно пытаясь отдышаться, а потом, как мне с перепугу показалось, удивленно моргнул. Все еще не веря, что не сгорю на месте, задрала голову и пристально посмотрела ему в глаза, по-прежнему горящие красновато-золотистым пламенем. Отметила, что этот удивительный огонь красиво подсвечивает густые алые ресницы, обрамляющие нечеловеческие, но от того не менее привлекательные глаза.

Потом мое внимание привлекли непонятные движения мужчины, словно он пытался настроить свое зрение или найти правильный угол обзора. Он, видимо, чтобы удобнее было смотреть, наклонял голову в разные стороны и под различными углами, щурился, а потом замер.

А я так и продолжала стоять перед ним как вкопанная. Вдруг мужчина резко протянул руку и схватил меня за волосы. Дальше началось нечто и вовсе загадочное: он начал резкими быстрыми движениями ощупывать меня, словно слепой. Даже свой испуганный крик проглотила от удивления. Неужели? Правда, изучение продлилось недолго. Незнакомец, видимо, определился с местоположением «находки» и с теми местами, за которые меня удобнее всего держать, – плечами. Одновременно с этим я услышала треклятые – доводящие до икоты – цокот и курлыканье. Рыжий резко развернул меня спиной к себе, и я увидела приближающихся к нам крабов.

Судорожно обвела взглядом пространство вокруг – насколько позволяли обстоятельства. Вот с верхней площадки за энергетической стеной на нас уставилась толпа крабов, и хоть на их лицах по-прежнему не отражается никаких эмоций, но в то же время они активно жестикулируют конечностями, качаясь вверх-вниз, и, надо полагать, обсуждают происходящее. Чуть ниже, опираясь на поручни, замерли и во все глаза смотрят на нас девушки-пленницы. Пока еще живые. Что их ожидает?

Кира, закусив ладонь, пытается не закричать… А я, раз представилась возможность, крикнула:

– Выбирайте по запаху, он должен понравиться!

Мой крик спровоцировал движение среди крабов: на нас направили палки, и я задрожала и задергалась, пытаясь уйти от смертоносных лучей. Напрасно – меня крепко держал перед собой этот… красный гад. Со злостью подумала: «А еще мужик называется. Развесил причиндалы, а сам женщиной прикрывается!»

– Смотри на них! – рыкнули у меня над головой.

Не поверив своим ушам, я попыталась обернуться, но меня встряхнули и снова рыкнули:

– Смотри на них!

И именно в этот момент до меня дошло, что сказано было не на русском! Вроде говорит на чужом, резком, неприятном на слух языке, а я все понимаю. Я сошла с ума? Или мир вокруг меня?

Но на автомате выполнила приказ и добросовестно, во все глаза, пялилась на крабов, пытаясь держать в поле зрения сразу всех. А этот… рыжий голый командир, легко меня приподняв, начал двигать во все стороны, таким образом вынуждая разглядывать происходящее вокруг.

К нам бросились крабы, причем к нашим трем охранникам присоединилась та самая толпа, что до сих пор любопытствовала сверху, по ходу дела отключив энергощит и оттолкнув с дороги ошарашенных пленниц. И именно в этот момент

я поняла, что разум все-таки покинул меня. Ведь такого просто не может быть?! И тем не менее… Меня невысоко подкинули вверх, а в следующее мгновение я приземлилась на спину… кажется… Змею Горынычу или дракону. Китайскому дракону! Какими их в фильмах показывают или на праздниках китайских.

Зажмурилась, цепляясь за скользкое чешуйчатое тело, но мне не дали отгородиться от происходящего. С ревом дракон взмыл к потолку пещеры и злобно прорычал мне:

– Смотри вокруг!

И я смотрела!

Крабы палили в нас, подсвечивая пространство зелеными лучами, но гибкое длинное тело дракона настолько ловко и быстро перемещалось в воздухе, что попасть в нас было сложно, и кроме того, защита, разделяющая верхний и нижний уровни, не пропускала смертоносные лучи. Плотно поджатыми задними лапами сказочный летун не давал упасть вниз мне. Красные кожистые крылья изгибались под невероятными углами, избегая препятствий. Дракон ракетой взмыл к вентиляционным тоннелям под потолком. А я лишь визжала от страха – сейчас высоты я боялась больше всего остального.

Темнота накрыла нас со всех сторон, но впереди блеснул свет, и мы стремились к нему. Я выдохлась и замолчала. Из последних сил руками и ногами вцепилась в упругое теплое тело. Надо же, и размеры идеально подошли, словно не на драконе сижу, а на спине обычного мужчины! Пускай даже красного и чешуйчатого!

Впереди показались лопасти маховых вентиляторов, и я с досадой подумала: «Неужели такие продвинутые инопланетяне не могли для вентиляции что-нибудь посовременнее придумать?» А через мгновение поняла, что нам придется пролететь сквозь них, и в ужасе зажмурилась, готовясь к смерти.

– Открой глаза, женщина! – разъяренно прорычал дракон, тряхнув меня всем своим телом.

Угроза свалиться с него подействовала, и я вновь уставилась вперед. И даже в тот момент, когда мы умудрились проскользнуть мимо маховиков, не позволила

себе закрыть глаза.

Мы оказались в еще одном огромном зале, где внизу копошились крабы. Раздавался неприятный звуковой сигнал, как при нападении на Землю, от которого мысли словно попадали в паутину и там вязли.

– Не закрывай глаза! – вновь заорал дракон.

Мне пришлось крепче ухватиться за него, потому что по нам снова открыли огонь, но продолжалось это недолго – мы стремительно ушли под потолок и скрылись в следующем тоннеле. Только более просторном. Но радовалась я недолго. Выползающие из пазов перегородки начали разделять тоннель на отсеки. Кажется, где-то там мелькнул кусок звездного неба, но перегородка почти закрыла нам выход.

Дракон подо мной начал раздуваться, словно заглатывая в себя воздух, а уже через пару мгновений струя синего пламени ударила в преграду, расплавляя ее и открывая впереди путь к свободе.

Или тогда мне так казалось!

В первый момент я задохнулась горячим сухим воздухом снаружи. Средняя полоса России, где я родилась и прожила всю жизнь, прохладный, немного влажный воздух корабля крабов – все это не подготовило мои легкие к тому, что я почувствовала сейчас. Наверное, мои ощущения можно сравнить с теми, какие можно получить, внезапно глубоко и резко вдохнув раскаленного воздуха пустыни Сахара в самый разгар знойного дня. Закашлявшись, припала всем телом к дракону, вцепляясь в него, как пиявка. И теперь старалась дышать осторожно, неглубоко – по чуть-чуть.

Приноровившись дышать, начала крутить головой, а точнее – позволила себе приподнять подбородок над телом дракона и попыталась осмотреть окружающее пространство. И изумленно разинула рот. Похоже, здесь сейчас царит ночь. В моем понимании, конечно. Потому что над нами, в россыпи крупных звезд, ярко светится огромная голубая планета. Точнее – ее освещенная часть. Но какая огромная… Невооруженным глазом можно различить рельеф: горы и кратеры. Так мне показалось.

Ровный голубой свет льется с небес на территорию, над которой мы летим, так что тьмы как таковой нет. Мягкое освещение позволяет видеть все, что творится внизу, под нами. А точнее – за нами!

Огромное серое сооружение, из которого мы сбежали, куполом возвышается над поверхностью пустыни, стоя, как и корабли крабов, на «паучьих лапах», поблескивающих в призрачном ночном освещении стремительными огоньками. Наверное, те световые лифты движутся. Свод станции покрывали темные пятна, и я решила, что это – тоннели, благодаря одному из которых мы оттуда выбрались.

Если бы могла, я бы снова заорала от страха, потому что увидела, как над куполом заметались старые знакомые – проклятые пауки-леталки, похожие на те, с помощью которых нас похитили с Земли. В первый момент я испугалась, что они отправятся за нами в погоню, но самое любопытное – этого не произошло. И именно в тот момент я заметила едва заметный взгляду сияющий энергетический щит, сверху накрывающий серую махину. Только не понятно: защищая ее или ограничивая!

Под нами раскинулась пустыня – по-другому не назовешь, – песок и больше ничего и никого. А впереди высятся горы, или, вернее, скалы, судя по их безжизненному виду. И наш путь явно лежит в ту сторону.

– Куда мы летим? – решилась задать вопрос я.

– Смотри вперед! – раздраженно рыкнул дракон.

Немногословный у меня спасатель оказался. Ладно, помолчу.

Через минуту-другую, не прекращая взмахивать огромными крыльями, дракон повернул ко мне морду, но не для того, чтобы рассмотреть, а чтобы глубоко вдохнуть, как я поняла по его действиям. Невольно заинтересовавшись обликом очередного иномирного существа, я украдкой, краем глаза начала рассматривать это невероятное летающее чудище внимательнее, помня о приказе смотреть вперед.

Четыре короткие, но очень мощные ноги или лапы по бокам длинного гибкого тела. Хвост имеется, куда ж без него, но не такой длинный, как встречавшийся

на картинках. И без всяких гребней на спине, она вообще – гладкая и чуть блестит в призрачном свете нависающего сверху спутника этой планеты.

Когда дракон оборачивался ко мне, я успела разглядеть его морду. Лицо, которое видела ранее, чуть-чуть трансформировалось, став более плоским и вытянутым к челюстям. Довольно мощным, надо заметить! Не зря же у него и в «человеческом» обличье подбородок тяжелый и квадратный. Зато я поняла, откуда на нем ямочка. В драконьем виде благодаря ей подбородок у дракона немного раздвоенный и острый. А вот брови такими же и остались, правда, те самые свисающие кончики-перышки сейчас расправились и, видимо, как плавники, помогают управлять полетом. Выглядят темными в сумерках, но думаю, тоже ярко-красные, как и кожа-чешуя, покрывающая все тело, не оставляя ни единого незащищенного кусочка. И лишь на затылке и шее дракона на ветру трепыхаются короткие пряди волос.

Жуткая тварь – если честно! Двуипостасная. Сказочная, но в данный момент очень даже реальная.

– Смотри вперед, – снова рявкнул дракон, заставив меня испуганно вздрогнуть.

Оторвав взгляд от его шеи, я посмотрела вперед, отмечая, что до гор мы уже долетели и сейчас парим над ними. Именно потому снова задала вопрос:

– А куда мы летим? – Ответное молчание меня не удовлетворило. – Почему я понимаю тебя? – продолжила я общаться.

– Я говорю с тобой на языке адаптеров. Так почему бы тебе не понимать меня? – произнес он несколько недоуменно.

Я не поняла – при чем тут адаптеры – и снова удивленно посмотрела ему в затылок.

– Смотри вперед, женщина, иначе будут неприятности! – злобно прорычал дракон.

Я тут же ощутила, как напряглось подо мной его тело, и беспрекословно выполнила приказ. Значит, смотреть действительно важно, и сказано не ради

того, чтобы банально заткнуть рот надоедливой наезднице.

Так мы пролетели еще немного. За это время, впервые за три прошедшие недели, согрелись мои многострадальные ноги. А сама я даже немного перегрелась. И все бы ничего, не в моем случае жаловаться, но вот жажда мучит все сильнее. Пережитый ужас, крики, жара высушили горло – пить захотелось нестерпимо.

– Пить хочется! Очень! – осторожно уведомила о своих проблемах дракона.

Но он молча продолжал лететь, а я – смотреть вперед, чуть кося взглядом вниз, чтобы хоть примерно знать, куда мы летим и что внизу. Тем временем занялась заря, но не розовая, как привычно, а золотистая. И горную гряду мы почти пересекли. Впереди виднелись новые просторы пустыни. Хотя на горизонте, как мне показалось, опять поднимаются в небо горы.

Дракон неожиданно резко заложил вираж и устремился вниз. Я заметила проем в одной из скал, к которой мы и направились. Минута – и я чуть ли не кубарем падаю с дракона на каменистую площадку. С шипением и оханьем сразу встала, ощущая, что на коже появляются новые ссадины и ушибы, а в бедные ступни впились сотни мелких камешков и песчинок. А передо мной вновь предстал голый мужик расцветкой «в сеточку» с чуть покачивающимся членом между ног.

Пока я ошалело наблюдала, как драконья чешуя быстро врастает в кожу, оставляя на поверхности лишь красный ромбовидный рисунок, мужчина приказал, сверкнув красным светом в глазах:

– Подойди ко мне немедленно!

– Зачем? – на всякий случай испугалась я.

Отвечать он не стал, глубоко вдохнул, заставляя напрячься от ужаса – а ну как спалит, и потом, по-змеиному пластично, метнулся ко мне. Я даже пискнуть не успела, как меня схватили, словно куклу, повертели и затем, прижав спиной к груди, на мгновение замерли.

Из-за разницы в росте я буквально висела в его сильных, словно каменных руках и жалко трепыхалась, словно маленькая, пойманная в ловушку птичка. Немного подержав, он… укусил меня за шею, дико больно вгрызаясь в плоть.

Не успела я решить, что не спалят, так сожрут, мужчина отстранился и опустил меня на землю. Поскуливая от боли и чувствуя, как кровь из новой раны стекает по плечу на грудь, наблюдала за тем, как дракон медленно, пошатываясь и вытянув вперед руку, пошел к краю горной площадки, куда мы приземлились.

В первый момент мстительно обрадовалась, что вот, сейчас… сейчас этот гад кусачий рухнет вниз со скалы. А затем до меня дошло, что тогда я останусь здесь совсем одна, а летать, увы, не умею. Вскинула руку, чтобы предупредить, остановить, но мой вскрик превратился в полувсхлип. Мужчина потряс огненноволосой головой, приподнял подбородок и посмотрел в сторону золотой зари на горизонте. Я стояла сбоку и видела, как его необычное красноватое лицо расплылось в довольной ухмылке, рот приоткрылся, демонстрируя острые белоснежные зубы. Бр-р-р!

А затем, не оглядываясь на меня, в небо взлетел уже дракон. Момент трансформации я как-то упустила: лишь на мгновение мелькнула мужская обнаженная краснокожая задница, а уже в следующий миг увидела хвост с плоским лопатовидным концом.

Теперь уже я замерла на краю обрыва, провожая полным отчаяния и ужаса взглядом крылатого негодяя, тварь и… и… Видимо, сочтя меня несъедобной, бросил умирать на скале. Без воды и еды, непонятно где! Да еще лыбился. Положительно – гад! Чешуйчатый!

Глава 8

Сколько я так простояла – несколько минут, а может быть, несколько часов, – не знаю. Напрасно с надеждой вглядывалась в голубые небеса, ища взглядом красного дракона – все тщетно. За это время красновато-желтая звезда этой планеты успела показаться из-за горизонта, и стало понятно, что она больше и ближе, чем наше Солнце. Может, поэтому тут так жарко, сухо… и жестоко!

Горячие лучи скользнули по каменной площадке, подбираясь к моим ногам. И если раньше я все время мерзла, то теперь чувствую – скоро поджарюсь, начиная с ног. Вдобавок от укуса дракона у меня начало ломить плечо и шею, а горло и губы, как мне казалось, скоро потрескаются от сухости.

– Ну урод! Какой же ты урод! И вся планета ваша – уродская. И крабы эти – уроды… – разорялась я в пустоту, размахивая руками и грозя кулаками.

Местное светило припекало все сильнее, потому пришлось отойти в сторону и осмотреться. Я находилась на каменной площадке рядом с небольшим гротом, стена которого в отличие от скальной испещрена трещинами, наверное, как и моя кожа от этого злобного солнца и сухого ветра. Похоже, здешний климат и скалу доконать способен.

Гладкая, почти белая каменная стена уходит вверх метров на сто, не меньше. По ней не вскарабкаться. Улеглась на живот и боязливо выглянула за край обрыва: тоже метров пятьдесят до земли. Но здесь, если хорошенько постараться, можно найти, за что уцепиться. Этот вариант оставлю на крайний случай, когда подыхать начну – медленно и мучительно!

Я уселась возле потрескавшейся стены, там, где свод грота давал небольшую тень, в надежде хоть немного укрыться от палящего солнца. Подтянув коленки к груди, обняла их руками и уперлась подбородком. Накатило чувство абсолютной безысходности и одиночества. Летать не умею, спуститься живой – вряд ли удастся. Дракон, вероятнее всего, за мной не прилетит, уж слишком он счастливо ухмылялся, когда смотрел в сторону зари, перед тем как смыться. Интересно, куда он, слепой, полетит? Может, он как летучая мышь – с помощью ультразвуковой эхолокации перемещается. Но сейчас мне хочется, чтобы – до первой каменной стены! И чтобы размазало его там ровнее и тоньше!

Боже, как же хочется пить! Это желание сейчас преобладает над всеми остальными, сводит с ума. На такой жаре, думаю, уже через день-другой сама захочу полететь в сторону зари…

Прикрыв глаза, окунулась в свои мрачные мысли. Все произошедшее, словно череда кадров из фильма, замелькало перед глазами. Такой долгий и жуткий фильм, а выключить нет никакой возможности…

Очнулась от того, что начала гореть рука. Осмотрелась и увидела, что солнце уже по-хозяйски заглядывает в мое укрытие. Кожа на предплечье покраснела – вот и ожог! А положив ладонь на лоб, ощутила, что у меня явно повышенная температура. С горечью хмыкнула – пережить нападение инопланетян на Землю, три недели плена, сводящую с ума болезненную процедуру и выбор а-ля русская рулетка, а затем заболеть и расклеиться, стоило появиться одному недоделанному дракону.

Кожа на лбу под ладонью тоже сухая, в мелких песчинках. Боже, как же хочется попить и помыться. А еще низ живота тянет немилосердно, так, словно у меня… Опустила взгляд вниз и развела колени в стороны.

«Да какого хрена-то…» – в отчаянье прорычала я.

Ни олвейсов тебе, ни тряпочек – ничего нет, а я в таком положении. За недели плена многие женщины в клетках столкнулись с подобной проблемой, но я старалась не думать об этом тогда. А вот сейчас…

Вспомнив три недели омерзительного запаха в отсеке с пленницами и всего того, что там пришлось пережить и прочувствовать, разрыдалась. А стоит ли сейчас заморачиваться, если вскоре я полечу навстречу заре?!

Со злости и отчаянья стукнула кулаком по стене. И от неожиданности вскрикнула – рука провалилась. Резко повернувшись, увидела, что в потрескавшейся стене зияет темный провал. Там, где ударила. Поковыряла пальчиком «штукатурку» – дышит и осыпается как миленькая – и решительно расширила дыру еще больше в надежде подальше спрятаться от палящего солнца, а то скоро не только мое предплечье, вся обгорю. Даже поджарюсь, судя по ощущениям.

Оказалось – эта тоненькая глиняная преграда скрывала проход в достаточно просторную пещеру. Боязливо ступая по камням – мало ли что там внутри, – прошла вглубь и с диким восторгом уставилась на булькающий прямо из камней фонтанчик, вокруг которого образовалась небольшая заводь, откуда вода тонкой струйкой уходит под камни. Чудеса!

Все еще не веря своим глазам, подошла ближе, осторожно потрогала пушистый мох, который облепил влажные берега маленького естественного водоема.

Никто меня не съел, мягко, и пахнет странно вкусно – смесью мяты и мелиссы. С непередаваемым трепетом человека, узревшего восьмое чудо света, протянула руку и коснулась воды. По сравнению с окружающей жарой – просто ледяная. Пошлепала ладошкой и счастливо рассмеялась.

Оперлась обеими руками о поросшие мхом камни и, наклонившись поближе, лизнула воду. Мне стало все равно – ядовитая она или нет, или как перенесет мой человеческий организм местную жидкость. Главное – утолить дикую жажду. Смочить губы и пересохшее горло. Напиться вволю – а потом и помирать спокойно можно. Вода, она и на этой неприветливой планете – вода.

Сначала я лакала как кошка, а потом, распробовав вкус воды – немножко горьковатая и все равно вкусная, похожая на родную минералку, – пила большими глотками, чуть ли не захлебываясь.

Вдоволь напившись, умылась, а потом, и вовсе обнаглев, разделась донага и помылась, черпая воду ладошками и поливая свое изможденное тело. Я наслаждалась каждой сверкающей капелькой, которая скатывалась по моей коже, и даже весело следила за этим процессом. Быть может, в тот момент, когда нашла источник, я все же сошла с ума, потому что ощущала себя такой счастливой, словно ничего ярче и лучше со мной никогда не происходило. Все проблемы и вопросы отошли на задний план – первым на повестке стояло получение водного удовольствия.

«Эх, Киру и девочек бы сюда!» – выдохнула я, брызнув воды себе в лицо.

Эта мысль неожиданно вернула в реальность, повергла в уныние и мрачное расположение духа. Теперь есть вода, но еды нет. Я на скале, с которой не могу спуститься. А живы ли мои Кира и Света – неизвестно. Хотя, кто знает, что лучше: умереть у крабов сразу или здесь – медленно и мучительно?!

Постирала свое белье и верхнюю одежду и разложила сушиться на солнце неподалеку от входа в пещеру. При такой жаре, да еще на горячих камнях, высохнет максимум через час. Сама же вновь спряталась в относительно прохладную тень.

Несмотря на омовение, я чувствовала, как поднимается температура. К вечеру я уже пылала, а обильные критические дни заставили свернуться калачиком и

стонать от боли. Мой организм в конце концов не выдержал и сдался под натиском всего свалившегося на него. Решил отыграться за все трудности, что так стойко до сих пор переносил.

Двое суток я провалялась, словно в бреду. Благо вода спасала от окончательного перегрева и давала необходимую чистоту моему измученному телу. А камни я поливала, чтобы испаряли воду – благодаря чему в пещере было не так сухо и легче дышалось в самый зной. Если бы я не нашла это место, не сломала глиняную преграду – точно сгорела бы на солнце.

К вечеру третьего дня стало полегче, только слабость накатила, и голод впервые за время, проведенное здесь, потревожил желудок. А ночью, в призрачном свете спутника этой планеты, который, казалось, закрывал весь небосвод, я решилась попробовать на вкус мох, растущий вокруг водоема. Просто больше не осталось сил терпеть голод, он становился все сильнее с каждой минутой.

К моей удаче, мох оказался безвкусный, как трава. Зато желудок перестал урчать, и от слабости уже не тошнило. Хотя несколько часов я провела в тревожном ожидании последствий, стараясь не думать, что могу умереть от несварения или отравления. Обошлось, даже удивительно в моем положении! Словно кто-то сверху специально продлял мои мучения! Или наоборот – помогал выжить. Пожалуй, второе предпочтительнее и оптимистичнее.

А еще все время болело место укуса. Чертов дракон! Пальцами я ощущала большую припухлость в том месте, а в воде отражалась некрасивая красновато-зеленая гематома, что расползлась между шеей и плечом. И снова против воли зло прошипела в пустоту:

– Урод!

Утром четвертого дня сидения на скале я поняла, что болезнь отступила, критические дни закончились. Тело наполнило ощущение легкости, непонятного энтузиазма и жажды любой деятельности. А еще – сильный голод.

Я до блеска вымыла камни, наелась мха, тщательно помылась, сидя в неглубоком водоемчике. А потом неожиданно поймала свое отражение на темной водной глади и замерла, внимательно рассматривая себя.

То, что руки-ноги стали тоньше и живот к спине прирос, и без зеркала видно. От ссадин, царапин и синяков, полученных в последний день у крабов, почти не осталось следа. Похудела я сильно – ни одного лишнего грамма не осталось. А вот теперь разглядывала тоненькие косточки ключиц, выпирающие сильнее обычного. Кожа стала еще бледнее, и на носу отчетливее заметны веснушки. Уголки пухлых губ скорбно опущены вниз, скулы выступают сильнее, даже глаза сделались больше и ярче, только, как мне кажется, в них появилась легкая безуминка да поселилась вселенская грусть.

Слегка влажные коричневые волосы торчат во все стороны, но, как ни странно, выглядят довольно эффектно. Этакая стильная растрепанность. Хорошо, что короткие, хоть и отросли немного за прошедшие недели. Темные пряди на шее – до изгиба плеча и все еще темного синяка на месте укуса. Присмотревшись, я не поверила своим глазам. Даже потерла их для улучшения зрения. Наклонилась поближе и, затаив дыхание, чтобы не волновать воду вокруг, рассматривала место укуса.

Синяк сходит быстро, только след от зубов, скорее всего, останется – шрам будет. А в разные стороны от него расползлась красная сетка… как на коже у дракона. Правда, чем дальше от раны, тем меньше заметно, словно краснота размылась водой.

«Да чтоб у него хвост отвалился!» – простонала я, осторожно прикасаясь к месту укуса. Вроде не болит, но выглядит жутковато.

С шумом встала из воды, отряхнулась и, выбравшись на камень, как была обнаженная, так и присела. Задумавшись, мысленно перебирала всю нашу встречу и полет.

Меня все время мучили вопросы: кто такие адаптеры и почему я понимала дракона? На все про все имеется лишь одно приемлемое объяснение – та мучительная процедура непосредственно перед выбором, когда копались в мозгах, из-за чего умерла одна из женщин. Другой разумной альтернативы нет!

Но вот каким образом он меня понимал – загадка. Хотя сейчас я не могу точно сказать – на каком языке я с ним говорила. Выходит, есть очень большая вероятность, что перед выбором мозги промывали всем пленницам. Скорее всего, для более успешного контакта с драконами. Для чего это нужно крабам,

что они такую бурную деятельность развили – неизвестно. Логично предположить, что драконы и крабы – недружественные виды. Во всяком случае, друзей в клетки не сажают и не отстреливают! Хотя зачем-то драконам возят особей женского пола. С какой целью? Если от меня тут же избавились, как от лишнего балласта.

В голове роится куча разных вопросов, но ответов-то все равно нет.

Сухой горячий ветер песчаной поземкой пробрался в пещеру, коснувшись моей уже высохшей спины. Я оделась, сожалея, что не забрала с собой сумку, когда нас забирали из клетки. Но ведь тогда я была почти уверена, что иду на смерть, потому и бросила ее там. А сейчас мне бы очень пригодилась расческа.

Новая заря занималась над горизонтом, и я вышла из пещеры полюбоваться. Сильный ветер почти по-дружески трепал мою нечесаную, но чистую шевелюру. Сегодня и рассвет, и ветер вызывали в душе что-то странное. Какое-то томление и восторг. Может, из-за того, что я выжила, несмотря ни на что. А может, так повлияла на меня величественная красота этого места. Но душа рвалась на волю. И впервые в жизни я преодолела страх высоты. Подошла к самому краю обрыва и, раскинув руки в стороны, представила себя парящей птицей, а гудящий вокруг ветер – союзником и братом по крови. Мы с ним едины!

Лучи местной звезды вспыхнули, ярко освещая горизонт и разгоняя ночные сумерки. Огромный спутник побледнел, но все так же продолжал заслонять половину небосклона.

Я стояла на самом краю, опять чувствуя сильный – на грани паники – страх высоты и в то же время эйфорию от ощущения полнейшей свободы и практически полета. Что-то шло не так, и моя более привычная, прагматичная часть забила тревогу. Но вот эта новая безбашенная я наслаждалась ветром.

Невольно посмотрев вниз, в ужасе заметила, что мои пальцы самым настоящим образом торчат над обрывом. А внизу – отвесная стена с видимыми кое-где выступами. Голова привычно закружилась – я покачнулась, начала размахивать руками, как ветряная мельница, а разыгравшийся ветер лишь добавил мне ускорения. Взвизгнув, я полетела вниз.

Боже, как же глупо и нелепо все вышло!

Глава 9

Земля неумолимо приближалась, а я летела, перевернувшись в воздухе и размахивая руками, и орала...

В очередной раз больно чиркнула по скалистой стене рукой и... Падение прекратилось. Хотя орать я не перестала, только теперь – от невыносимой боли: зацепилась браслетом за каменный осколок, торчащий из стены. Все, долеталась! Либо кисть сломала, либо сильнейшее растяжение заработала и кожу разодрала в кровь. Сцепив зубы и зажмурившись, несколько секунд привыкала к боли, стараясь не шевелиться, и молилась всем богам, чтобы спасли в очередной раз.

Со свистом втягивая сквозь зубы воздух, пересиливая дикую боль, открыла глаза, чтобы оценить свое местоположение. Кое-как осмотрелась вокруг в поиске любых уступов, сразу же вспомнив все, что говорили тогда на скалодроме Сергей Петрович и незабвенный Вадим. Любая мелкая деталь могла сейчас спасти мне жизнь, раз опять появился шанс.

В метре от себя обнаружила парочку удобных уступов, но чтобы за них ухватиться, надо будет раскачаться. Вниз старалась не смотреть, а то паника предательски накроет с головой, и думать разумно уже не смогу. Взглянув вверх на край площадки, с которой свалилась, прикинула примерное расстояние, и вышло, что пролетела я вниз метров десять, не меньше.

Собрав волю в кулак, стараясь не обращать внимания на боль, попыталась качнуться в сторону уступа. Хорошо, что пострадала левая рука, правой легче работать. Но стоило шевельнуться, кисть прострелила острая боль, прокатившаяся по всему телу, вызвав новый стон и град слез. А затем у меня замерло сердце, потому что послышался подозрительный скрежет. Спасительный камень начал крошиться и трескаться, заставляя меня, наплевав на боль, судорожно раскачиваться, в попытке дотянуться до другого уступа.

Раз-другой, и кончики пальцев уже коснулись вожделенной цели, но тут камень, на котором я повисла, не выдержал моих отчаянных телодвижений и отвалился.

Мы вместе с ним полетели в бездну. Земля вновь приближалась с ужасающей быстротой: еще секунда и – все! Но в последний момент я ощутила, как ногами снова чиркаю по стене, и автоматически оттолкнулась от нее, используя все оставшиеся силы.

Вовремя!

Удачный толчок позволил отлететь в сторону от стены, когда до земли оставалось метра три. Растопырив руки-ноги и крепко зажмурившись, я нырнула в песок. Понадобилась, наверное, минута, чтобы осознать, что я жива и почти цела.

Кряхтя, вылезла из барханчика, села, опираясь на правую руку и чувствуя, как меня всю трясет от переизбытка адреналина, который явно зашкаливает, потому что биение сердца, кажется, ощущается в горле. Тошнит сильно, и закономерно накатывает истерика.

Через несколько секунд меня прорвало. Продолжая сидеть на горячем песке, я хохотала как ненормальная – а может, так оно и было? – выплескивая весь ужас, который сейчас испытала.

«Спасибо, Сергей Петрович! И дай бог тебе здоровья и долгих лет жизни!» – прорыдала я сквозь смех и слезы, вспомнив невероятную историю, что рассказал мне этот интересный мужчина в центре по скалолазанию. Тогда я посчитала рассказ выдумкой, а только что проверила на себе лично. Выходит, я подсознательно использовала это знание как последний шанс.

Рука болела немилосердно, но, шипя и плача, пощупав и покрутив ею, выяснила, что удача вновь на моей стороне: кости целы, но растяжение сильное – отекать уже начала. Да, нормально пользоваться ею не смогу долго. Кожа на запястье и кисти чуть ли не пластом содрана, пришлось обмотать их свободным краем рубашки – так и кровь остановится, и рука хоть немного будет зафиксирована.

Колени, локти и лицо – все саднит: о песок меня неплохо приложило. С содроганием посмотрела вверх – высоко. Немыслимо высоко! И невероятное чудо, что я выжила. Причем уже в который раз!

– Благодарю тебя, Господи, за милость твою и защиту! – выдохнула я.

Так мама всегда говорит… говорила. Может, это она меня оберегает сейчас?

Тяжело вздохнула – незамедлительно начали одолевать горькие мысли. Но долго предаваться унынию и в очередной раз считать потери не пришлось.

Услышав подозрительный шорох, я испуганно огляделась и обомлела. Из песка в нескольких метрах от меня начали выбираться наружу странные, толстые, в руку длиной, червяки. И хоть зубов, впрочем, как морд и пастей, я не рассмотрела, но страшно стало до икоты. Похоже, придется знакомиться с представителями местной фауны, каким-то чудом еще не сварившимися в этой пустыне.

Черви выстроились полукругом и медленно поползли в мою сторону, похожие на наших гусениц. А я, перебирая рукой и ногами, задом отодвигалась назад к скале, глядя на ползучих тварей, берущих меня в кольцо. Поднялась и ступила на каменную площадку – горячо очень, и мелкие камешки впиваются, но песок жжет ноги не меньше. А скоро солнце вступит в свои права, и я даже представить не могу, что будет со мной дальше.

Быстро огляделась в поиске безопасного места, где можно было бы спрятаться от этих неведомых обитателей пустыни, нисколько не внушающих доверия. Но до ближайшего уступа на скале метра три – не с моей травмированной рукой до него добраться. Да и зачем? Снова очутиться на скале? Но ведь мох очень скоро закончится, и я умру голодной смертью.

А тем временем черви, блеклой расцветкой сливаясь с окружающим бежевым песком, целеустремленно ползли в мою сторону. Вот первый добрался до пятна крови, натекшей из разодранной кисти. И из того места, где предполагалась голова, вытянулось множество щупалец и слепо потыкалось в пятно. Затем, завибрировав, щупальца, словно пылесос, принялись засасывать внутрь червяка кровь вместе с песком. Жадно и мощно!

– Боженька, боженька, спаси меня, пожалуйста, ну что тебе стоит еще раз это сделать?! – лихорадочно зашептала я, отступая к скале.

Шаг-другой – и все! Дальше – некуда! Оставалась последняя надежда, что на камни эти червяки не выберутся. Я вновь ошиблась.

Белесые толстые черви, добравшись до камня, начали вытягивать из песка свои гибкие тела. А у меня от их вида округлялись глаза, потому что по мере приближения – с каждым новым сжатием и распрямлением тел – червяки становились все длиннее и длиннее. Мамочка, да они размерами как змеи стали и все ползут ко мне, касаясь мерзкими щупальцами камней, изучая дорогу. А может, даже с помощью их как-то определяя, где застыла я, ни жива ни мертва от ужаса.

Кольцо из ползучих тварей сужалось, а куда деваться от них – я не представляла. Когда им осталось ползти до меня не более метра, я решилась на отчаянный шаг. Сильно оттолкнувшись, перепрыгнула через «головы» червяков и рванула в пустыню прямо по их телам. На горизонте виднелись горы, и, может, там удастся спастись.

Я изо всех сил неслась по пустыне, каждый шаг болью отдавался в руке. Особенно когда ноги увязали в горячем песке, и я, спотыкаясь, чуть не падала. Но расслабиться и поверить в спасение мне не позволили. Червяки ввинчивались в песок, словно рыбы в воду ныряли, и передвигались очень быстро. Изредка я позволяла себе оглянуться, чтобы увидеть, как следом тянутся рыхлые бугорки песка. Сколько я еще смогу обгонять их?

Я уже задыхалась от быстрого бега и колотья в боку, когда впереди, метрах в ста, увидела огромную каменную глыбу и направилась прямо к ней, надеясь на передышку. Меня почти нагнали, но я, подгоняемая страхом, птичкой вспорхнула на камень, резко развернулась и поглядела на червяков. Что делать будут?

Мое убежище – не пологая каменная площадка, а крутой валун. А змеи вроде как по стенам лазать не умеют. Во всяком случае – у меня на родине. Мне самой легко было сюда забраться, потому что я без обуви.

Преследователи неожиданно замерли в нескольких метрах от камня, и как мне показалось, даже немного отползли назад. Потом зарылись в песок, но хоть их не было видно, но я чувствовала – они там!

«Выкусите, уроды! Ага, что – теперь не по зубам? Слабо, да?» – торжествующе завопила я в пространство, испытывая новый адреналиновый всплеск, и при этом еще пыталась отдышаться.

Выровняв дыхание, по-турецки уселась на камень, гадая, что делать дальше.

Вдалеке маячат горы, но до них несколько километров, и вряд ли я смогу добраться до них наперегонки с червями-змеюками. Даже если те, что охотились на меня, убрались восвояси – во что слабо верится, – не факт, что не встретятся другие.

Что же за проклятая планета?

Одно я поняла точно – путешествие на корабле крабов укрепило мои мышцы. Так что теперь я могла нормально передвигаться при гравитации гораздо выше, чем наша – земная. Если бы не это обстоятельство, далеко от червяков я бы не убежала. Хотя здесь, на планете, гравитация чувствовалась не так сильно, как у крабов. Что тоже помогло.

А еще на корабле мы не раз обсуждали с женщинами: как случилось, что виды, столь разные внешне, дышат одним газовым составом?! Мы не чувствовали никаких побочных явлений от их воздуха, а крабы, как мы видели, не носили ничего защитного – в смысле, масок или скафандров. Да и здесь, на поверхности планеты, дышится легко, если не учитывать чересчур сухой и горячий воздух, но на скале ночью и в пещере проблем по этой части не было вовсе. Чудеса, да и только!

Краем глаза заметила невдалеке характерный движущийся бугорок, который тут же снова замер в песке. Ждут, гады!

И куда теперь мне деваться? Внизу песок с опасными тварями, а сверху вовсю начинает жарить местное солнце. За дни, проведенные на скале, я немного загорела, но кожа, покрытая легким золотистым загаром, все равно не спасет от ожога, да и голова не покрыта. Так что скоро мне грозит тепловой удар. Присела на корточки, полностью расстегнула рубашку и прикрыла ноги. Баюкая травмированную руку, осторожно засунула кисти под мышки. Так хоть немного спрячу открытые участки кожи от прямых лучей.

Спустя пару часов я ощущала себя курочкой гриль в духовке: вокруг – раскаленный воздух, подо мной – изрядно нагревшийся камень. Впору подрумяниться. Сознание мутилось, сильно хотелось пить, но я не двигалась с места. Зачем? Да и куда мне двигаться?

Рядом с собой заметила странный нарост-бугорок и от нечего делать начала бездумно его отковыривать. Минут пять колупала, пока наконец он неожиданно не откинулся сам. Крик замер у меня на губах, когда я увидела, что натворила.

Бугорок, словно крышка или веко, прикрывал полость, из которой на воздух выбрались черные тоненькие усики. И эти усики, неожиданно вырвавшись на свободу, ринулись в мою сторону. Парочка их коснулась моих ног – я не успела отпрыгнуть и тут же ощутила слабый ожог, как крапивой обстрекалась.

Стоило усикам втянуться обратно, весь камень подо мной вздрогнул, а затем так взбрыкнул, что меня на несколько метров подкинуло вверх мощным потоком воздуха и пыли. Но я успела заметить, как внизу из песка выбирается огромное нечто, раскрывается пасть, где не зубы или клыки, а целый завод по переработке дерева в труху.

На мгновение зависнув на самой верхней точке, я с громким воплем полетела вниз, прямо в эту разверзнутую пасть.

Не долетела всего чуть-чуть!

Меня неожиданно перехватили за талию и рванули вверх, подальше от монстра, которого никому даже в кошмарном сне не пожелаешь увидеть. Только вот на чужой планете и встретишь.

Мой организм не выдержал эмоциональных и физических перегрузок. Уже отключаясь, я заставила себя посмотреть вверх на того, кто тащил меня по воздуху прочь отсюда.

Огромные красные крылья и знакомый силуэт на фоне солнца вызвали странную легкость в уплывающем сознании.

Неужели вернулся?!

Драконья морда опустилась в мою сторону, и улетевший от меня четыре дня назад Змей Горыныч злобно прорычал:

– Я тебя всего на пару дней оставил, чего ради ты в эрх полезла? Совсем из ума выжила?

Ответить я не смогла – отключилась!

Глава 10

Очнулась от ощущения прикосновения. Чьи-то теплые и чуть шершавые пальцы потрогали место укуса между шеей и плечом – там еще болело немного, – мягко погладили и спустились к ключицам. Прошлись по каждой, задержались в ямочке между ними, словно знакомясь, изучая, привыкая. Затем добрались до холмиков грудей, проникли под кромку бюстгальтера и немного оттянули ткань. Горячий воздух коснулся соска, а вслед за ним шустро последовали пальцы, вызывая закономерную реакцию. Я почувствовала, как наливается моя грудь и съеживается сперва один сосок, а потом и второй.

Глаза не хотели открываться, сознание с трудом возвращалось, а тем временем чьи-то руки обхватили обе мои груди, приподняли, слегка помяли, помассировали. Я резко дернулась, и тут же в мое потревоженное тело вернулась глухая боль, а сознание затопил страх: что со мной, где я?

Распахнув глаза, столкнулась взглядом с внимательными прищуренными глазами с красноватой радужкой. Предатель! Бросил, не задумываясь! А сейчас нависает надо мной в «человеческом» облике, если так можно выразиться. По-прежнему голый, во всяком случае, обзор мне закрывает его обнаженный торс, а ноги касаются его горячей кожи. И в таком уязвимом положении он кажется мне еще более огромным и устрашающим. Благодаря своим габаритам и позе, мужчина спрятал меня от солнца, но зато хорошее освещение помогло подробным образом рассмотреть его лицо.

Высокий, немного покатый лоб, на котором, наверное, ни разу не возникала ни одна морщинка – настолько безупречный. Красные густые сросшиеся брови словно делят лицо пополам, кисточками спускаясь с висков почти до нижней мощной челюсти. И сейчас эти рыжие перышки смешно колышутся на ветру: то касаясь почти безгубого широкого рта, то застревая в лохматой шевелюре цвета красного вина.

Потом заметила мелкие, едва заметные морщинки на широком, но почти плоском носу – наверняка часто морщит. Маленькая мышца на острой скуле чуть подергивается, подчеркивая изучающий внимательный взгляд узких и в то же время очень выразительных глаз этого знакомого незнакомца.

Странная, чуть выпуклая, ромбовидная пурпурная сетка на коже притягивала взгляд и вызывала желание прикоснуться к ней и потрогать – неужели настоящая, ненарисованная.

Внешний облик этого мужчины был совершенно непривычен моему взгляду, и одновременно он очень походил на человека. Не страшный, нет! Скорее – иной! В общем, я про себя назвала его драконом. Мужского пола, эффектный и яркий внешне, безусловно, экзотичный. Если бы не одно огромное «НО» – точно так же, как на человека, он походил на зверя. Слишком опасного и непредсказуемого!

Мысль об опасности полностью вернула меня в реальность и заставила еще острее ощутить рядом с собой присутствие таинственного двуипостасного создания, в способностях которого я уже убедилась. Рискнула на мгновение отвести взгляд от его лица, чтобы посмотреть, где мы лежим. И вздрогнула – та же самая пещера, в которой я провела четыре мучительных дня. И сейчас мы расположились у порога, освещаемые косыми солнечными лучами. Инстинктивно облизала пересохшие губы, чем тут же привлекла заинтересованный взгляд.

А я в этот момент оценила свое положение: распласталась на спине, на теплом каменном полу, рубашка полностью расстегнута, а заляпанные кровью полы откинуты в стороны. Грудь хоть и прикрыта кружевным бюстгальтером, но белье едва ли защищает от жадного, восхищенного – как мне показалось – изучающего мужского взгляда. Сам же дракон слишком плотно прижимается ко мне всем телом, слишком низко нависает, давя на психику – разглядывая, и вдобавок еще и ласкает мою грудь.

Испугавшись, вскинула обе руки, уперлась в широкую мощную грудь и удивленно замерла. Травмированная левая – теперь была в лубке из глины. Наверное. Почти по самый локоть, только пальцы торчат. Смотри-ка, позаботился о болезной!

– Не дергайся, испортишь мою работу, – раздраженно проворчал мужчина. При этом, как я и предполагала, наморщил нос. Зато взгляд не изменился и

продолжал шарить по моему лицу и телу.

– Ты все-таки вернулся? И кажется, не слепой?! – хрипло спросила я, чувствуя, как из глубин души поднимается недавняя злость.

– Э-э-э… Не слепой! – с недоумением сразу же согласился он, а потом прорычал: – Естественно – вернулся! Только тебя тут не обнаружил! И хочу знать, зачем ты полезла в эрх?

– Я полезла? Естественно, значит? – зарычала уже я, а потом и вовсе сорвалась на крик, чувствуя, как истерика накрывает с головой. – Да откуда я знала, что ты вернешься? Ты ничего не сказал, укусил меня, а потом бросил умирать на скале… на жаре под палящим солнцем. Без воды, без еды, а вокруг одни камни. Раненую… Я чуть не поджарилась, пока случайно не сломала эту перегородку и не обнаружила, что там вода есть, а потом, рискуя жизнью, мне пришлось есть этот мох.

Последние слова я буквально выплевывала, колотя его по груди кулаком здоровой руки.

Он перехватил мою руку за запястье, прижал к себе и напряженно, зло произнес:

– Я оставил тебя в самом безопасном месте на многие теры вокруг. Тебе ничего не угрожало. Каждый адаптер знает, как определить местонахождение эрхована в эрхе. Здесь есть вода и еда… Тебя сломали рархи, да? Что они с тобой делали? – немного подумав, он снова наморщил нос, а потом настороженно спросил, видимо, зацепившись за неизвестное слово: – И почему ты зовешь Эш солнцем?

Я почувствовала, как по щекам предательски текут слезы. Да еще голова кружится от недавнего перегрева. И тошнит. Но нашла в себе силы прорычать:

– Ты, «благодетель»! Я не знаю, кто такие адаптеры, рархи и что такое эрх! Понимаешь меня? Я с другой планеты. Нас крабы эти проклятые похитили и сюда привезли. Забрали много народу, а выжило так мало…

Мужчина, не дослушав, резко отстранился, окидывая меня цепким ищущим взглядом. Слегка повернув мою голову, завернул ухо, затем быстрым, каким-то скользящим движением сел и, приподняв мою ногу, раздвинул пальцы. Мгновение поразмышляв, он рвано выдохнул, словно до этого от напряжения задерживал дыхание.

– Ты не адаптер! – выразил он весьма умную мысль.

Я истерично хохотнула, всхлипнула, чем снова привлекла его пристальный интерес и внимание.

– Ты не адаптер – это верно, но отличаешься от них лишь незначительными признаками. И идеально мне подошла! Именно поэтому я ошибся… И оставил тебя здесь. В тот момент я находился под воздействием препаратов и туго соображал. Да еще и твое неожиданное появление… Прости!

Пока я переваривала столь странное неожиданное признание вкупе с извинением, дракон снова вытянулся сбоку от меня и осторожно прижался. Его тяжелая рука опять скользнула мне на грудь и, чуть сжимая ее, большим пальцем погладила кожу. Жутковатое лицо склонилось ко мне практически вплотную. Носом он уткнулся мне в шею и глубоко вдохнул. А я решила, что меня сейчас снова больно укусят и, чего доброго, обескровят, и, пытаясь оттолкнуть гада, начала судорожно извиваться и голосить на всю округу.

Наверное, он не ожидал подобного, потому что мне удалось откатиться в сторону. Зашипев от боли, вскочила на ноги и стала отступать к краю обрыва. Неловко запахнула рубашку, закрываясь от его оценивающего взгляда, чувствуя, как меня пробирает нервная дрожь.

Дракон, которому я почему-то идеально для чего-то подошла, медленно, без лишних движений встал, вновь смущая меня внушительной, покачивающейся между ног плотью – правда, сейчас она не была совсем уж вялой, скорее напряженной, – и двинулся ко мне, пугая до чертиков и в то же время вызывая желание кинуться на него с кулаками.

– Не подходи! Я не позволю тебе снова меня кусать. И кровь мою пить! Из-за тебя, тварь, у меня на шее гематома и сетка эта красная расползлась. Из-за тебя я на этой скале чуть не сдохла от жары и слабости. Чем ты меня заразил, что я

слишком остро ощущаю ветер? Знаешь, как я вниз спустилась? Рухнула вниз… упала самым банальным образом. И если бы не браслет и невероятная везучесть, ты нашел бы мокрое пятно. Хотя нет, думаю, и пятна бы не осталось. На этой проклятой планете живут одни сплошные твари. Меня бы те песчаные червяки сожрали вместе с песком…

В ярости я словно выплевывала слова, и каждое из них сочилось ядом. Пусть… пусть этому мужику тоже станет плохо, как и мне, нет, еще хуже. Сейчас мне все равно, что будет дальше. Я все же дошла до грани и готова умереть не задумываясь. Невероятно устала выживать! Слишком долго пришлось быть стойкой, держаться в нечеловеческих условиях. А сейчас сдулась как пузырь. Или внутри сломался стержень, который меня все это время поддерживал. Невозможно раз за разом выбираться из лап смерти и не устать от этого. Я почти смирилась с ее присутствием рядом со мной.

– Хочешь, расскажу о себе, об этой планете? – неожиданно тихо произнес мужчина. Его голос сейчас напоминал звуки гальки, перекатывающейся в ручье. Такой шуршащий, успокаивающий, деморализующий.

– Зачем мне это? – всхлипнув, буркнула я.

Я почувствовала, что еще шаг – и окажусь у самого края обрыва, страх высоты инстинктивно толкнул меня в обратную сторону. Подальше от опасности и прямо в руки резко дернувшегося ко мне дракона.

– Чтобы знать… – все тем же шуршащим голосом шепнули у меня над головой… – Знать, зачем ты здесь и почему. Поближе познакомиться со мной и моими сородичами. Отомстить тем, кто причинил тебе боль.

Мужчина шептал, ласково прижимая меня к своему обнаженному телу, окутывая приятным запахом. Одним движением подхватив под коленями, поднял на руки и унес в пещеру, подальше от солнца. Я заплакала навзрыд. А он присел на плоский широкий камень возле заводи, наклонив меня над водой, умыл и, наполнив водой свою ладонь, заставил напиться. Стало чуточку лучше, но в то же время сорвало, так сказать, мои внутренние краники… И слезы потекли потоком.

Устроившись бочком у него на коленях, я доверчиво прижалась всем телом и, как ребенок, выплескивала все свои страхи, горе и боль – душевную и физическую. А он все подносил мне ладонь с водой, заставляя пить. Спустя несколько минут, захлебываясь эмоциями, я начала рассказывать о нападении на Землю. О том, как нас захватили, о каждой погибшей женщине, о мужчинах, судьбы которых я не знаю. О Кире и Свете, оставшихся в плену у крабов. И даже о том, как страшно было сделать выбор и нажать панель его камеры после того, как сгорели Дана и Василиса.

Приникнув к нему и обхватив здоровой рукой мощную горячую шею, горячечным шепотом изливала душу. А закончив, ощутила внутри пустоту. Такую легкую, звенящую и уже не пугающую.

Очередная порция воды из ладони мужчины – и я опустошенно ткнулась лбом ему в шею. Сейчас я чувствовала лишь тепло его тела и тупую ноющую боль в левой руке, зафиксированной глиняным лубком. Наконец он нарушил молчание:

– Как тебя зовут, землянка?

– Марьяна Волоцкая, – устало механически ответила я.

– Это имя такое? – переспросил он.

– Марьяна – это имя, а Волоцкая – это имя моего рода, или фамилия. Так у нас называют. А тебя?

– Дэнарт из триста двадцать седьмого поколения Веларта.

– Хм-м, а какая у тебя фамилия? Или название рода?

Дэнарт ухмыльнулся, блеснув непривычно острыми белоснежными зубами, и объяснил:

– У нас название рода ведется от имени его основателя. В одном поколении одинаковых имен не бывает, так что не перепутаешь.

– А если все же перепутаешь? Или ребенок есть, а родителей нет. И он не знает, из какого поколения и вообще – кто его родители?

Дэнарт нахмурился, а потом ответил:

– Такое маловероятно, но в этом случае малыш станет основателем нового рода. В любом случае у каждого эшарта есть идентификационный номер. Так что не перепутаешь!

– А если у вас есть такое понятие, как идентификационный номер, то какого лешего ты голый ходишь? – выпалила я.

– Так вышло! А вообще, одежду мы носим приличную. Поверь на слово! – насмешливо процедил дракон.

– Эшарты – это ваша раса так называется? – тут же уточнила я, почувствовав, что интерес к новым знаниям неожиданно разогнал апатию.

– Да, наша раса называется эшарты, а эта планета – Эшарт. Звезда – Эш. Песчаная территория вокруг нас – эрх. Это место зовется эрхован, хотя на языке адаптеров звучит как каменный оазис. А…

– Подожди! Кто такие адаптеры? – вклинилась я в его резкие, рубленые объяснения.

– На Эшарте живут две расы, взаимодополняющие друг друга. Мы и адаптеры.

– Это те членистоногие, которые похитили землян? – испуганно выдохнула я.

– Нет, – мрачно и слишком жестко ответил Дэнарт, а затем пояснил: – Адаптеры похожи на вас, землянок. Только кожа более серая, грубая и шершавая. А еще перемычки между пальцами ног и рудименты за ушами. Ты сейчас не поймешь, а пояснять долго.

Я совсем уже успокоилась. Облокотившись плечом о грудь мужчины, свесила руки вдоль тела и расслабилась. Пока мы разговаривали, Дэнарт поглаживал мою правую, здоровую руку. Я уже не обращала внимания на его наготу,

прикрыв глаза, просто впервые за долгое время наслаждалась покоем и чувством безопасности.

– А что за твари находятся на той станции? Под куполом?

– Которых ты называешь крабами?

– Да.

– Мы точно не знаем. Два полных цикла назад на Эшарт напали чужаки. Мы назвали их рархи – четвероногие. Причем закономерно, что первыми под удар пришельцев попали города адаптеров. Благодаря своим космическим кораблям адаптеры смогли добраться до Эуя. Это нависающая над нами планета-спутник. И, видимо, они как-то привлекли внимание рархов. И за несколько часов большая часть городов адаптеров была уничтожена. А выжившее население нам удалось эвакуировать к себе.

– И что теперь? – потрясенно выдохнула я.

– Понимаешь, Марьяна, эшарты исконно живут под землей, а адаптеры – на поверхности. Так уж получилось… У нас разные пути развития, и вообще мы различаемся образом жизни, но все же приходится плотно сотрудничать. Наши расы зависимы друг от друга. Теперь все изменилось, мы взяли оставшихся в живых адаптеров под защиту. Их выживание – прежде всего в наших интересах. Так вот, мы смогли ограничить пребывание рархов на Эшарте лишь территорией этой станции, стоящей на обломках разрушенного города адаптеров.

– И что вы намерены делать с ними дальше? – взволнованная рассказом, спросила я.

– Пока изучаем, как и их технологии, – мрачно выдал Дэнарт.

– А мне кажется, пока что это они вас изучают. Учитывая, где мы с тобой встретились, – невесело резюмировала я.

Эшарт усмехнулся и, все интенсивнее наглаживая мою руку, заметил:

– Не делай поспешных выводов. За это время об эшартах они практически не выяснили ничего. Пытаются, конечно, использовать. Какой-то препарат вот произвели… грохи. Сознание отключает, оставляя лишь инстинкты. Но с ним мы еще разберемся…

Его зловещий голос совершенно не вязался с действиями. Он все усерднее гладил мою ладонь, буквально вдавливая в себя, позволяя ощущать бархатистую твердую выпуклость и…

Шальная мысль заставила опустить взгляд вниз и полюбопытствовать, что там делают с моей рукой. Лучше бы не смотрела. Пока этот гад мне сказки рассказывал, сначала просто поглаживал ладошку, а теперь, направляя ее своей рукой, делает себе интимный массаж. Можно сказать, почти закончил, судя по каменной напряженности и вздувшимся пульсирующим венкам на члене.

Ошалело разглядев орудие труда и предмет трогательной неусыпной заботы, подняла взгляд, чтобы столкнуться с кривой ухмылкой этого дракона недоделанного, совмещающего приятное с полезным.

– Невозможно удержаться, когда твоя половинка сидит на коленях и так доверчиво прижимается… – снова используя свой завораживающий шуршащий голос, совсем не испытывая ни стыда, ни раскаяния, пояснил Дэнарт.

– Да ты… ты – извращенец! – зарычала я.

Вырвав ладонь из его захвата, двинула локтем в солнечное сплетение, сорвалась с места и на полусогнутых отскочила в сторону. Споткнулась, неловко завалилась на бок и начала отползать.

– Я был бы извращенцем, если бы не сделал этого! – возмущенно отпарировал дракон, угрожающе приближаясь ко мне.

– Не смей ко мне прикасаться, тварь, иначе прибью! – истерично завопила я.

В следующее мгновение вместо мужчины-эшарта появился дракон и стремительным движением кинулся ко мне, опрокинув навзничь. Взвизгнув и зажмурившись от страха, я подняла руки, защищаясь.

Несколько мгновений ничего не происходило, и я отважилась взглянуть, что происходит. Надо мной нависала красная жуткая драконья морда. Нос морщился, красноречиво демонстрируя проявление крайнего недовольства и раздражения. Да уж, чуть что – сразу зверем смотрит.

Из ноздрей дракона пыхнуло дымком, отчего ужас сковал все мое тело, но в этот момент он рыкнул:

– У тебя и так полно ссадин и ушибов, травма руки, с головой явный непорядок, а ведешь себя… глупо. Если тебе свое тело не жаль, так чего у меня его забираешь? – потом и вовсе выдал устало и зло: – И так проблемы вокруг, а ты мне дополнительно хлопот прибавляешь.

Я, придавленная драконьим телом, решилась пискнуть:

– Это ты приставать начал…

Закончить мне не дали:

– Я понимаю, Марьяна. Все понимаю! Столько пережить, а еще сколько предстоит… Ты не адаптер, наших правил не знаешь. Некоторых особенностей взаимодействия наших рас – тоже. Но уже все случилось, и наши жизни переплелись. Теперь ты со мной и под моей защитой, так что можешь успокоиться. Таких ошибок, как с этим эрхованом, я больше не совершу. И впредь буду учитывать, что ты землянка, а не адаптер.

– И приставать не будешь? – чувствуя, как сильно бьется мое сердце, спросила я.

Драконья морда склонилась еще ниже, позволяя рассмотреть, насколько плотно чешуйки прилегают друг к другу. Почувствовать руками, какие они гладкие и в то же время теплые – живые. Рыжие кисточки бровей почти коснулись моего лица, качаясь из стороны в сторону.

В глубине его глаз красная радужка снова вспыхнула пламенем, и дракон проворчал:

– Буду! Я возьму тебя, как только хоть чуть-чуть восстановишься. А сейчас боюсь навредить, ты слишком уязвима из-за предыдущих травм. И голодная, наверное…

Все сильнее упираясь здоровой рукой в чешуйчатую грудь, потрясенно выдохнула:

– Ты – ненормальный? Зачем я тебе? У вас своих женщин не хватает, что ли, раз ты такой озабоченный?

Я впервые в жизни увидела, как драконья морда расползается в ехидной ухмылке, – неописуемое зрелище.

А потом он меня добил:

– Поверь, я нормальный! Хотя, некоторым образом, ты права. За два полных цикла оккупации и гибели большинства адаптеров у эшартов возникла острая проблема нехватки женщин. Так что, прости за прямоту, но когда ты немного отойдешь и поешь, займемся закреплением метки!

После чего, никак не отреагировав на потрясенную откровенным заявлением меня, дракон отстранился и, игриво блеснув красным глазом, приказал:

– Пей больше воды! Если голодна – поешь, и полетели. Нам необходимо поторопиться, чтобы догнать остальных. А то путь неблизкий, а мне необходимо обеспечить твою безопасность.

Я открыла рот, чтобы возразить. Возмутиться. Но эшарт, как мне показалось, с горечью ухмыльнулся и изумил меня:

– Выходит, мы спасли нескольких женщин-землянок. Если поторопишься, сможем увидеться с ними.

Мое сердце на мгновение остановилось от услышанной новости. А потом от радости пустилось вскачь.

– Кого именно? – выдохнула я.

– Сама узнаешь, – снова раздраженно поморщился дракон, пустив дымок.

Я быстро подкрепилась мхом, напилась, сколько влезло, и, испытывая неловкость, залезла на спину своему дракону. Уже через мгновение мы взмыли в небо под аккомпанемент моего вопля. Наверняка этот гад специально заложил такой вираж, чтобы я прилипла к нему всем телом, обнимая руками и ногами.

Глава 11

Если кто думает, что лететь на драконе – это здорово, романтично и чрезвычайно интересно, то это не я. В моем «Аккорде» передвигаться было гораздо более комфортно и удобно, и… в общем, не стоит вспоминать – одно расстройство.

А на Эшарте в данный момент горячий ветер трепет волосы и заставляет жмуриться, и лучи Эша слепят – особенно не поглазеешь. Теперь понятно, почему у драконов глаза такие узкие. Впрочем, ничего новенького в пустыне, то есть в эрхе, все равно не попадалось. Дышать тоже приходится осторожно.

В голове растревоженным осиным ульем роились вопросы, но страх высоты перебивал любопытство и вынуждал прижиматься всем телом к дракону. Но довольно скоро мне показалось, что ветер играет со мной, ласково шепчет что-то на ухо, хочет унести рубашку, полы которой полощутся на красных боках моего сказочного транспортного средства по имени Дэнарт, мощностью в одну драконью силу.

Не знаю, как бы продолжался наш полет дальше, но внезапно у меня внутри словно лопнула натянутая пружина. Страх ворчливо отступил на задворки, а наружу, будто с цепи сорвавшись, вырвалась моя душа. Заставила выпрямиться на драконьей спине, зажмуриться и даже отпустить его тело и медленно вытянуть в стороны все еще дрожащие от страха руки.

В груди что-то взорвалось и горячей волной побежало по венам. Меня затопило ощущение свободы. А ветер пел ей торжественную, хвалебную песнь. Так невероятно легко и круто я себя в жизни не чувствовала. Радостный вопль

родился сам собой!

Красная ухмыляющаяся довольная морда повернулась ко мне и окинула взглядом, каким родители смотрят на свое дитя, которое делает первый шаг. Я смутилась, перестала вопить и даже руки вернула на гибкую спину дракона, тут же вновь почувствовав, как под чешуйчатой шкурой перекатываются стальные мускулы.

Между тем наружу вырвался первый вопрос:

– А как ты трансформируешься? А то и хвост, и крылья… откуда они появляются?

Дэнарт неожиданно весело «хрюкнул», а потом так же громко, перекрикивая шаловливый ветер, ответил:

– Оттуда! Физические законы никто не отменял, Марьяна! Моя первая форма очень крупная, а вторая – более пластичная, гибкая и узкая. Так что из исходника путем несложной трансформации образуются хвост и крылья. Все остальное лишь вытягивается для улучшения аэродинамических свойств тела. Так понятно?

– Да, – буркнула я.

Стоило эшарту отвернуться, вновь устремляя взор вперед, я не смогла удержаться и, скривив лицо, показала его затылку язык, молча передразнивая этого умника-сноба.

– Если ты такой умный, то почему без трусов? – ядовито спросила его.

– Трусов? – переспросил он.

Ясно – это понятие ему не знакомо. Караул! А если они тут все такие голозадые, как мне жить здесь дальше?

– Да! Это нижнее белье, которое надевается под штаны у мужчин или у женщин.

Эшарт вновь повернул морду ко мне, при этом размеренно, словно лениво, махая большими кожистыми крыльями. Потом, криво ухмыльнувшись, блеснул белоснежными острыми зубами и ответил:

– А мы трусы не носим!

Наверное, заметив мое изумленно-испуганное лицо, добавил:

– Да ладно, не бойся, Марьяна. Эшарты из-за своих особенностей носят другую одежду, не такую, как у адаптеров. Скоро увидишь! Долго я тебя своим голым задом и другими достоинствами баловать не буду.

Не удержавшись, я саркастически хмыкнула. Баловать? Его обнаженкой? Чересчур уверен в себе и самовлюблен.

Уже через минуту молчания я задала весьма допекавший меня вопрос:

– Дэнарт, у рархов мне показалось – ты был слеп.

– Почему ты так решила? – напрягся эшарт.

– Ну, наверное, потому что ты крутил меня во все стороны, выставлял перед собой, как куклу, и вопил как резаный: «Смотри на них. Смотри вокруг. Смотри вперед, женщина, иначе будут неприятности!» – кривляясь, передразнила я дракона.

И старая обида снова напомнила о себе.

Эшарт глубоко и резко вздохнул, несколько мучительных мгновений молчал, а потом все же ответил:

– Как только меня схватили, сразу накачали какой-то дрянью. Грохи, закусите мной, но я чувствовал себя пленником своего собственного тела. Вокруг – ничего, кроме размытых запахов и темноты. И звуки доносятся, как из трубы. Я толком и не знаю, сколько в таком состоянии пробыл. А потом твой аромат позвал к себе… – эшарт замолчал на мгновение, а потом продолжил говорить, но уже не так эмоционально. Словно думая над каждым словом, цедил сквозь

зубы: – Эшарты умеют сливаться сознанием с подходящей им женщиной. Видеть их глазами!

Я почувствовала, как напряжение и страх вновь овладевают моим сердцем. Высота, порывы ветра, слепящий свет – почти не беспокоили, и я судорожно мысленно перебирала и анализировала все, что случилось за эти дни.

– То есть до нашей встречи ты мог видеть?

– Да! До попадания к рархам я видел!

– А потом они подавили тебя до основных инстинктов, и, лишь встретив меня, ты смог увидеть все, что творилось вокруг?!

– Верно! – мрачно проворчал дракон.

– А если бы я тебе не подошла по запаху, ты бы меня спалил… как те двое других заживо сожгли Дану и Василису?! – я уже не спрашивала, а почти констатировала факт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/olga-guseynova/vedomaya-ognem

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити